

Хулио Кортасар

A handwritten signature in black ink, which appears to be 'Julio Cortázar', written on a dark green background.

Счастливики
62. Модель для сборки

Хулио Кортасар
Счастливики; 62.
Модель для сборки
Серия «Библиотека классики (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67966311

Счастливики; 62. Модель для сборки: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-149595-4

Аннотация

Группа счастливицов выигрывает путевки в трехмесячный морской круиз. И мало того – каждый может взять с собой в путешествие троих спутников по своему выбору! Неслыханное везение! Однако все происходит немного не так, как рисовалось в мечтах, – загадочный карантин, запретные комнаты...

«Обычное проникается непостижимым», – комментировал этот роман сам Кортасар. И тень непостижимого витает над каждым из «счастливицов», оказавшихся на корабле.

*** * ***

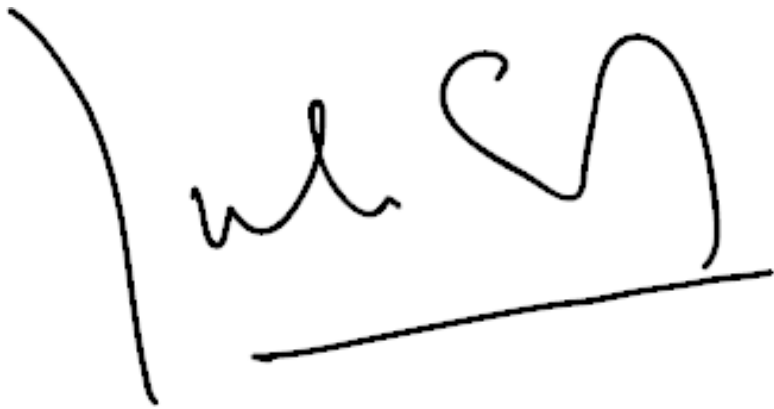
«62. Модель для сборки». Роман, который сам Кортасар называл «своим уродливым, но любимым ребенком». Роман, в котором великий аргентинский писатель усилил и довел до

логического предела стилистические и эстетические принципы, сформированные в «Игре в классики».

Читать это произведение можно буквально – как постмодернистскую историю о Городе-Вавилоне и его разноязыких, разноментальных обитателях, можно – отвлеченно, как причудливую философскую притчу-параболу о влиянии Слова на человеческое сознание, а можно и с удовольствием отыскивать в этом элегантном произведении мотивы литературной игры.

Содержание

Счастливики	6
Пролог	6
I	6
II	15
III	18
IV	26
V	28
VI	30
VII	34
VIII	40
IX	45
A	49
X	51
XI	54
B	63
XII	67
XIII	74
C	80
XIV	86
XV	95
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Хулио Кортасар

Счастливики

62. Модель для сборки

Julio Cortazar

LOS PREMIOS

62 MODELO PARA ARMAR

© Julio Cortázar and Heirs of Julio Cortázar, 1960, 1968

© Перевод. Е. Лысенко , наследники, 2018 («62. Модель для сборки»)

© Перевод. Л. Синянская, наследники, 2022 («Счастливики»)

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Счастливики

...Что делать романисту с людьми ординарными, совершенно «обыкновенными», и как выставить их перед читателем, чтобы сделать их сколько-нибудь интересными? Совершенно миновать их в рассказе никак нельзя, потому что ординарные люди поминутно и в большинстве необходимое звено в связи житейских событий; миновав их, стало быть, нарушим правдоподобие.
Ф. Достоевский, «Идиот», ч. IV, гл. I

Пролог

I

«Маркиза вышла в пять, – подумал Карлос Лопес. – Где же, черт возьми, я это читал?»

Дело было в «Лондоне», на углу улицы Перу и Авенида; а время – десять минут шестого. Маркиза вышла в пять? Лопес помотал головой, чтобы отделаться от застрявшего в памяти обрывка, и попробовал свое «Килмес Кристалл». Пиво было недостаточно холодным.

– Когда тебя вырывают из привычной обстановки, ты как

рыба без воды, – сказал доктор Рестелли, глядя на свой стакан. – Я, знаете ли, так привык в четыре часа пить сладкий чай мате. Поглядите на эту даму, вон она, выходит из метро, не знаю, видно ли вам, столько прохожих. Вот она, блондинка. Будут ли в нашем замечательном круизе подобные белокурые ветреницы?

– Сомневаюсь, – сказал Лопес. – Самые красивые женщины всегда плывут на другом пароходе, это рок.

– Ах, молодежь, какие вы скептики, – сказал доктор Рестелли. – Я уже вышел из возраста, когда свершают безумства, однако же не прочь развлечься время от времени. И оптимизм сохраняю, а потому захватил с собой в чемодане три бутылки грапы из Катамаркеньи и почти уверен, что у нас будет возможность насладиться обществом красивых девушек.

– Увидим, если поплывем, – сказал Лопес. – Кстати, о женщинах, как раз входит одна, достойная того, чтобы вы повернули голову градусов на семьдесят в сторону Флориды. Вот так... стоп. Та, что разговаривает с патлатым типом. Судя по их виду, они плывут с нами, хотя убей, если знаю, как выглядят те, кто плывет с нами. Может, возьмем еще по пивку?

Доктор Рестелли одобрительно кивнул. Лопес подумал, что в этом жестком воротничке и синем шелковом галстуке в фиолетовую крапинку он необыкновенно напоминает черепаху. А его пенсне подрывало дисциплину в национальном

колледже, где он преподавал историю Аргентины (а Лопес – испанский язык), и выглядело столь значительно, что к владельцу пенсне прилепились несколько разнообразных кличек – от Черного Кота до Хохлатого Жаворонка. «Интересно, а какая кличка у меня?» – лицемерно подумал Лопес, он был уверен, что мальчишки удовольствовались чем-нибудь вроде «Лопес-грамотей».

– Красивое создание, – пришел к заключению доктор Рестелли. – Было бы недурно, если бы она оказалась в числе пассажиров. Какая перспектива – соленый морской воздух, тропические ночи, должен признаться, меня это весьма стимулирует. За ваше здоровье, коллега и друг.

– И за ваше, доктор и мой собрат по удаче, – сказал Лопес и уполовинил свои пол-литра.

Доктор Рестелли ценил (сдержанно) своего коллегу и друга. На педсоветах он обычно не поддерживал педагогических закидонов Лопеса, упорно защищавшего ленивых бездельников и других, не столь ленивых, которые списывали на контрольных или же почитывали газетку во время объяснения битвы при Вилкапухио (а ведь какого труда стоит достойно объяснить, как этим испанцам удалось так наkostenить славному Бельграно). Но если не считать некоторой богемистости, Лопес был великолепным коллегой, всегда готовым признать, что речи на 9 июля должен произносить доктор Рестелли, который в конце концов скромно сдавался на уговоры доктора Гульелметти и столь же сердечные, сколь

и незаслуженные настояния преподавательского состава. Во всяком случае, очень удачно, что туристскую лотерею выиграл Лопес, а не негр Гомес или же преподавательница английского на третьем курсе. С Лопесом можно найти общий язык, хотя порою он впадал в чрезмерный либерализм, чуть ли не в постыдную левизну, которой доктор Рестелли не прощал никому. Но зато ему нравились девушки и бега.

– *Четырнадцать весен минуло тебе, и ты предалась веселой гульбе,* – пропел Лопес. – А вы почему купили лотерейный билет, доктор?

– Уступил домогательствам сеньоры де Ребора, дружище. Вы же знаете, как она умеет доставать. Вас ведь, наверное, тоже донимала? Но теперь-то мы ей благодарны, сказать по справедливости.

– У меня она вынимала душу восемь перемен подряд, – сказал Лопес. – Не дала прочитывать отчет о бегах, какие уж тут бега, когда такой овод вопьется. И главное, не понимаю, какая ей корысть. Лотерея как лотерея, в общем-то.

– Ах, не скажите. Прошу прощения. Этот розыгрыш – совершенно особенный.

– А почему билеты продавала мадам Ребора?

– Предполагается, – с таинственным видом сказал доктор Рестелли, – что тираж предназначался для особой публики, скажем так, избранной. Возможно, государство, как в некоторых исторических ситуациях, призвало наших дам к благосклонному сотрудничеству. Ну и не хотелось, чтобы счаст-

ливчики оказались в обществе людей, скажем так, низшего уровня.

– Скажем так, – согласился Лопес. – Но вы забываете, что эти счастливчики имеют право осчастливить еще и троих членов семьи.

– Мой дорогой коллега, если бы моя покойная супруга и моя дочь, которая замужем за юным Робирой, могли бы сопровождать меня...

– Ну, понятно, понятно, – сказал Лопес. – Вы – статья особая. Но оставим экивоки, если бы, к примеру, я сбрендил и пригласил с собою мою сестрицу, вы бы отнесли ее к людям низшего уровня, выражаясь вашими словами.

– Не думаю, что ваша уважаемая незамужняя сестра...

– Она тоже так не думает, – сказал Лопес. – Но она именно из тех, кто переспрашивает: «Чиво?» – и считает, что слово «блевать» – неприличное.

– Это и на самом деле несколько сильное слово. Я предпочитаю говорить «вырвало».

– А вот она отдает предпочтение выражению «вытошнило» или «еда назад пошла». А что вы скажете по поводу нашего ученика?

Доктор Рестелли забыл о пиве и выказал явное неудовольствие. Этого он понять не мог: почему сеньора де Ребора, женщина назойливая, но вовсе не глупая, которая в довершение всего еще кичилась своим довольно-таки знатным именем, могла так поддаться болезненному желанию распро-

дать все билеты и опуститься до того, что предлагала их ученикам старших классов. И вот он, плачевный результат: по прихоти судьбы – такое встречается только в хрониках, а может, апокрифах казино Монте-Карло, – кроме Лопеса и его самого счастливый билет достался и школьнику Фелипе Трехо, худшему из класса, тому самому, кто, скорее всего, и издавал глухие звуки определенного сорта на уроках аргентинской истории.

– Поверьте, Лопес, такому паскуднику не следовало разрешать плыть на этом пароходе. К тому же он несовершеннолетний.

– Он не только плывет, но и притащил с собою все семейство, – сказал Лопес. – Я узнал это от приятеля-журналиста, который брал тут интервью у тех, кого сумел выловить.

Бедный Рестелли, бедный почтенный Черный Кот. Теперь тень колледжа будет преследовать его все плавание, если, конечно, оно состоится, а металлическое ржание учащегося Фелипе Трехо отравит ему робкий флирт, праздник Нептуна, шоколадное мороженое и такие всегда забавные игры в спасение утопающих. «Если б он знал, что я пил пиво с Трехо и его пивной компанией на Пласа Онсе и что именно от них узнал про Хохлатого Жаворонка и Черного Кота... Бедняга, какое у него устаревшее представление о преподавательском племени».

– Это, быть может, добрый знак, – с надеждой сказал доктор Рестелли. – Семья утихомиривает. Вы так не считаете?

Ну конечно же, считаете.

– Посмотрите, – сказал Лопес, – вон на тех близняшек, они вышли со стороны улицы Перу. А сейчас переходят Аве-ниду. Видите их?

– Не знаю, – сказал доктор Рестелли. – Одна в белом, а другая в зеленом?

– Так точно. Особенно на ту, что в белом.

– Очень хороша. Да, та, что в белом. Хм, хорошие икры. Пожалуй, только чересчур семенит. Не сюда ли они?

– Нет, доктор, не сюда, они – мимо.

– Жаль. Знаете ли, у меня была подружка – такая же. Очень похожа на нее.

– На ту, что в белом?

– Нет, в зеленом. Никогда не забуду... Впрочем, вам это неинтересно. Интересно? Тогда еще по пивку, все равно до собрания остается полчаса. Так вот, эта девушка была из знатной семьи и знала, что я женат. Короче говоря, она все равно бросилась в мои объятия. Какие ночи, друг мой, какие ночи...

– Никогда не сомневался в вашей Кама Сутре, – сказал Лопес. – Еще пива, Роберто.

– Видно, у сеньоров ужасная жажда, – сказал Роберто. – Наверно, от влажности. В газете написано.

– Раз в газете написано, значит, чистая правда, – сказал Лопес. – Я начинаю понимать, кто будет нашими товарищами по путешествию. У них на лицах, как и у нас, оживление

и недоверие. Поглядите, доктор, и сразу узнаете их.

– А почему недоверие? – спросил доктор Рестелли. – Эти слухи ни на чем не основаны. Вот увидите, отчалим точно, как обозначено на оборотной стороне билета. Лотерея имеет поручительство государства, это вам не какая-нибудь самодеятельная лотерейка. Билеты распространялись среди лучших, и даже странно предполагать возможность накладок.

– Я восхищаюсь вашей верой в бюрократический порядок, – сказал Лопес. – По-видимому, это коренится в упорядоченности вашей личности, скажем так. Я же, напротив, подобен турецкому сундуку, и у меня никогда нет никакой уверенности ни в чем. Нельзя сказать, что я не доверяю конкретно этой лотерее, но все-таки не раз задавался вопросом, не закончится ли все это как с «Хелрией».

– «Хелрия» – затея агентств, возможно даже еврейских, – сказал доктор Рестелли. – Название-то какое, если вдуматься... Я не антисемит, подчеркиваю особо, но уже много лет замечаю, что повсюду просачивается эта нация, достойная похвал, если хотите, в других отношениях. Ваше здоровье.

– И ваше, – сказал Лопес, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. А маркиза на самом деле выйдет в пять? В дверь со стороны Авениды входили и выходили завсегдатаи. Лопес воспользовался тем, что собеседник задумался, по-видимому, над этнографическими проблемами, и огляделся вокруг. Почти все столики были заняты, но лишь за немногими царило настроение, выдававшее возможных участников

предстоящего плавания. Стайка девушек столпилась у дверей, как обычно бестолково натываясь друг на дружку, смеясь и бросая взгляды на вероятных порицателей или поклонников. Вошла сеньора с целым выводком детишек и направилась в маленький зал со столиками, застеленными умиротворяющими скатерками, где другие матроны и мирные парочки поглощали прохладительные напитки или пирожные – словом, что-то вполне домашнее. Вошли парень (этот – да, наверняка) с очень хорошенькой девушкой (хорошо бы и она тоже) и сели рядом. Оба нервничали, но как ни старались смотреть друг на друга естественно, руки, крутившие бумажник или сигареты, выдавали их. А за стенами кафе Авенида буйствовала, как обычно. Громко, во всю мощь, рекламировали пятое издание чего-то, в рупор расхваливали что-то еще. Яростный летний свет заливал улицу в половине шестого вечера (в этот обманный час, как и многие другие, убежавшие вперед или оставшиеся позади), пахло бензином, раскаленным асфальтом, одеколоном и мокрыми опилками. Лопес еще раз подивился капризу Туристической лотереи, неразумно одарившей его. Только давняя привычка портенно, жителя Буэнос-Айреса, – чтобы не сказать больше и не впасть в метафизику – позволяла счесть разумным разворачивавшийся вокруг спектакль, участником которого был и он. Самая хаотическая гипотеза хаоса – ничто в сравнении с этой суматошной сутолокой при тридцати трех градусах в тени, этим беспорядочным хождением туда-сюда, этим скоп-

лением шляп и портфелей, охранников и газеты «Расон», автобусов и пива, – и все это одновременно, в единый краткий миг меняется и в новый краткий миг предстает уже в ином сочетании и обличье. Вот женщину в красной юбке и мужчину в клетчатом пиджаке, идущих навстречу друг другу, разделяют всего лишь две тротуарные плитки, и в этот же миг доктор Рестелли подносит ко рту свою пол-литровую кружку, а хорошенькая девушка (без сомнения, хорошенькая) вынимает красную губную помаду. И вот уже мужчина и женщина на тротуаре разминулись, кружка медленно опускается, а помада выписывает извечное слово. Так кому же, кому может показаться странной эта лотерея?

II

- Два кофе, – попросил Лусио.
- И стакан воды, пожалуйста, – сказала Нора.
- К кофе всегда подают воду, – сказал Лусио.
- На самом деле.
- Только ты никогда ее не пьешь.
- Сегодня хочется пить.
- Да, здесь жарко, – сказал Лусио, меняя тон. Наклонился к ней над столом. – У тебя усталое лицо.
- Конечно, вещи укладывала, хлопоты...
- Хлопоты, какие могут быть хлопоты с вещами, – сказал Лусио.

– Да.

– Ты правда устала.

– Да.

– Сегодня ночью ты будешь спать хорошо.

– Надеюсь, – сказала Нора. Как всегда, он говорил самые невинные вещи тоном, который Нора уже научилась понимать. Возможно, и эту ночь она не будет спать хорошо, потому что это будет ее первая ночь с Лусио. Ее вторая первая ночь.

– Красуля, – сказал Лусио, глядя ее руку. – Красуля-кисуля.

Нора вспомнила отель «Бельграно», первую ночь с Лусио, но лучше бы не вспоминать, а забыть.

– Дурашка, – сказала Нора. Запасная губная помада, кажется, в несессере?

– Хороший кофе, – сказал Лусио. – Как думаешь, дома догадались? Мне-то что, но скандала не хочется.

– Мама думает, что я пошла в кино с Мучей.

– А завтра – скандал до небес.

– Завтра они уже ничего поделать не смогут, – сказала Нора. – Подумать только, недавно отмечали мой день рождения... Вся надежда – на папу. Папа не злой, но мама вертит им как хочет, и остальными – тоже.

– Все жарче становится тут, в помещении.

– Ты нервничаешь, – сказала Нора.

– Нет, просто хотелось бы наконец отчалить. Тебе не ка-

жется странным, что нас заставили сначала прийти сюда? В порт, я думаю, повезут на автобусе.

– А кто же остальные? – сказала Нора. – Вон та сеньора в черном, как ты думаешь, тоже?

– Да нет, зачем этой сеньоре путешествовать? Скорее вон те две, которые разговаривают за столиком.

– А должно быть гораздо больше, человек двадцать.

– Ты немножко бледная сегодня, – сказал Лусио.

– От жары.

– Хорошо хоть успеем отдохнуть до того, как нас начнет болтать, – сказал Лусио. – Я бы хотел, чтобы нам дали хороший номер.

– С горячей водой, – сказала Нора.

– Да, и с иллюминатором, и чтобы вентилятор был. И чтобы иллюминатор выходил на море.

– Почему ты говоришь «номер», а не «каюта»?

– Не знаю. Каюта... Номер – как-то лучше звучит. А каюта... вроде как каюк. Я тебе говорил, что ребята из нашей конторы хотели проводить нас?

– Проводить нас? – сказала Нора. – Как это? Они что же – знают?

– Ну, меня проводить, – сказал Лусио. – Знать-то они не знают. Я только одному сказал – Медрано, в клубе. Ему можно доверять. Я подумал, он все равно тоже плывет, так что лучше сказать ему заранее.

– Смотри-ка, и он тоже выиграл, – сказала Нора. – Как

странно, правда?

– Сеньора Аппельбаум предложила нам билеты из одного блока. А остальные, кажется, разошлись в «Боке», не знаю точно. Почему ты такая хорошенькая?

– Вот еще, – сказала Нора, позволяя Лусио взять ее руку и сжать. Как всегда, когда он говорил вот так, приблизившись, испытующе, Нора немного отодвигалась, мягко, уступая ему совсем чуть-чуть, просто чтобы не огорчать. Лусио смотрел на ее улыбающийся рот, обнажавший мелкие, очень белые зубы, и только их (там, дальше, один был с золотой коронкой). Вот бы им дали хороший номер, и Нора отдохнула бы как следует. И выкинула бы из головы всю эту чушь (впрочем, выкинуть надо было только одно, но она за это упорно держалась). Он увидел, как в дверь со стороны Флориды входит Медрано вместе с компанией каких-то мужчин и женщины в кружевной блузке. Почти с облегчением он поднял руку. Медрано узнал его и направился к их столику.

III

В «Лондоне» в летнюю жару не так уж и плохо. От Лории до улицы Перу дороги десять минут, так что будет время остыть и пролистать «Критику». Загвоздка в том, как уехать, чтобы Беттина не засыпала вопросами, и Медрано придумал сбор выпускников 35-го года, ужин в Лопрете, а перед тем – аперитив где-то еще. Он уже столько напридумывал после

выигрыша в лотерею, что эта последняя и почти вынужденная ложь ничего не меняла.

Беттина осталась в постели под жужжавшим на тумбочке вентилятором, голая, читать Пруста в переводе Менсаче. Все утро они занимались любовью, с перерывами на сон, виски или кока-колу. Съев холодного цыпленка, они обсудили достоинства произведений Марселя Эме, стихов Эмилио Бальягаса и котировку мексиканского орла. В четыре Медрано залез под душ, а Беттина открыла Пруста (перед тем они еще раз отдали дань любви). В подземке, с сочувственным интересом наблюдая за школьником, изо всех сил старавшимся выглядеть беспутным гулякой, Медрано мысленно подвел черту под своими действиями за день и признал их правильными. Можно было вступать в субботу.

Листая «Критику», он продолжал думать о Беттине, немного удивляясь, что все еще думает о Беттине. Прощальное письмо (ему нравилось называть его посмертным письмом) было написано накануне ночью, в то время как Беттина спала, — нога ее выпросталась из-под простыни, волосы упали на глаза. Все было объяснено (за исключением того, разумеется, что она найдет возразить), личный вопрос удачно решен. С Сусаной Донети разрыв произошел точно таким же образом, и даже не пришлось уезжать из страны, как сейчас; каждый раз, когда после этого они с Сусаной встречались (главным образом на художественных выставках, неизбежных в Буэнос-Айресе), она улыбалась ему, как старому

другу, не обнаруживая ни злобы, ни тоски по прошлому. Он представил, как входит в «Писарро» и сталкивается нос к носу с Беттиной, а она ему дружески улыбается. Или хотя бы просто улыбается. Но скорее всего, Беттина вернется в Раух, где ее ожидает ни о чем не подозревающее безупречное семейство и две кафедры родного языка.

– Доктор Ливингстон, I suppose¹, – сказал Медрано.

– Познакомься: Габриэль Медрано, – сказал Лусио. – Садитесь, че², выпейте что-нибудь.

Медрано пожал оробевшую руку Норы и попросил сухой мартини. Приятель Лусио показался Норе старше, чем она ожидала. Лет сорока, не меньше, но костюм из итальянского шелка с белой рубашкой очень ему шел. Лусио, даже имея он большие деньги, никогда не научится так одеваться.

– Что вы думаете об этих людях? – говорил меж тем Лусио. – Мы пытаемся угадать, кто из них плывет с нами. Кажется, в газетах был напечатан список, но у меня его нет.

– Список был, к счастью, очень неточный, – сказал Медрано. – Кроме меня, пропустили еще двоих или троих, тех, кто не желал светиться или боялся семейных потрясений.

– Кроме того, здесь еще и сопровождающие.

– Ах да, – сказал Медрано и вспомнил спящую Беттину. – Ну, во-первых, я вижу тут Карлоса Лопеса с каким-то патрицианского вида сеньором. Вы не знакомы?

¹ Полагаю (англ.).

² Обращение-междометие, принятое в Аргентине.

– Нет.

– Года три назад Лопес ходил в клуб, там я с ним и познакомился. Наверное, незадолго до того, как вы в него вступили. Пойду узнаю: он тоже плывет с нами?

Лопес плыл с ними, и они поздоровались, очень довольные, что встретились снова, да еще в таких обстоятельствах. Лопес представил ему доктора Рестелли, который сказал, что лицо Медрано ему знакомо. Воспользовавшись тем, что соседний столик освободился, Медрано позвал Нору с Лусио. Перемещение заняло какое-то время, потому что в «Лондоне» не так просто перейти с места на место, непременно вызовешь явное недовольство обслуживающего персонала. Лопес подозвал Роберто, и Роберто поворчал, но помог им перебраться и взял песо, даже не сказав спасибо. Молодежная компания становилась все более шумной и требовала по второй кружке пива. Нелегко было в этот час беседовать в «Лондоне», когда всех мучила жажда и сюда битком набивались желающие пожертвовать последним глотком кислорода ради сомнительной компенсации в виде пол-литра «Индиан-тоник». И уже почти не было разницы между баром и улицей, потому что по Авениде вверх и вниз текла густая толпа с пакетами, газетами и портфелями, главным образом – с портфелями всех цветов и размеров.

– Одним словом, – сказал доктор Рестелли, – насколько я понимаю, все мы, тут присутствующие, будем иметь удовольствие вместе пережить приятное путешествие.

– Будем иметь, – сказал Медрано. – Однако опасаясь, что вместе с нами его будет переживать и часть этого шумного собрания, что слева от нас.

– Вы думаете? – обеспокоенно спросил Лопес.

– У них разбойный вид, они мне не нравятся, – сказал Лусио. – На футбольном поле, конечно, можно брататься с кем попало, но на пароходе...

– Как знать, – сказала Нора, которая решила, что надо идти в ногу со временем. – Может, окажутся вполне симпатичными.

– А между тем, – сказал Лопес, – молодая девица скромного вида, похоже, собирается присоединиться к ним. Да, так оно и есть. А с нею сеньора, в черном, вполне благочинная.

– Мать и дочь, – как всегда безошибочно в таких вещах определила Нора. – Боже, как они одеты.

– Все сомнения отпадают, – сказал Лопес. – Они тоже плывут и, судя по всему, приплывут обратно, если мы вообще отплывем и приплывем.

– Вот она, демократия, – сказал доктор Рестелли, но его голос потонул в реве, донесшемся от выхода из метро. Молодежная компания, похоже, почуяла своих, потому что двое откликнулись тут же, один – воплем на октаву выше естественного, а второй, засунув два пальца в рот, издал душе-раздирающий свист.

– ...все вперемешку, общайся с кем попало, – заключил доктор Рестелли.

– Совершенно верно, – вежливо отозвался Медрано. – И вообще, спрашивается, зачем плыть?

– Простите, не понял?

– Ну конечно: что за нужда отправляться в плавание?

– Как же, как же, – сказал Лопес, – я полагаю, в любом случае интереснее, чем сидеть дома. Меня лично греет мысль, что за десять песо я выиграл путешествие по морю. И не забывайте, лотерея государственная, а значит, автоматически жалование за время плавания сохраняется, что само по себе выигрыш. Такое упускать нельзя.

– Признаю, таким не пренебрегают, – сказал Медрано. – Мне выигрышный билет дал возможность запереть кабинет и какое-то время не разглядывать гнилые зубы. Но, согласитесь, вся эта история... У меня несколько раз возникало ощущение, что закончится она каким-нибудь таким образом... В общем, подберите сами подходящее определение, благо определение – чрезвычайно заменяемый член предложения.

Нора посмотрела на Лусио.

– По-моему, вы преувеличиваете, – сказал Лусио. – Если отказываться от счастливого билета из страха, что тебя надуют...

– Я не думаю, что Медрано имеет в виду обычное надувательство, – сказал Лопес. – Скорее нечто такое, что носится в воздухе, особого рода обман, обман, если можно так выразиться, высшего порядка. Смотрите-ка, только что к нам

присоединилась и сеньора, чья одежда... Безусловно, и она – тоже. А вон там, доктор, устроился наш с вами ученик Трехо в окружении своего возлюбленного семейства. Кафе все больше становится похожим на океанский лайнер.

– В голове не укладывается, как сеньора де Ребора могла продать лотерейный билет школьнику, и особенно – этому, – сказал доктор Рестелли.

– Все жарче и жарче становится, – сказала Нора. – Закажи мне, пожалуйста, попить чего-нибудь холодненького.

– На пароходе будет хорошо, вот увидишь, – сказал Лусио и помахал рукой, чтобы привлечь внимание Роберто, который был занят разраставшейся компанией бодрых юнцов, замучившей его причудливыми заказами вроде кофе-капучино, сэндвичей с сосисками, черного пива и тому подобно-го, необычного для этого заведения, во всяком случае в это время дня.

– Да, наверное, там будет посвежее, – сказала Нора, поглядывая краем глаза на Медрано. Ее продолжало беспокоить то, что он сказал, а может, это просто такая манера, посеять беспокойство, чтобы было о чем говорить. Побаливал живот, наверное, надо сходить в туалет. Но неудобно подниматься и уходить в присутствии всех этих сеньоров. Лучше уж потерпеть. Да, пожалуй. Наверное, это мышечная боль. Какая у них будет каюта? С двумя узенькими койками, одна над другой? Ей бы хотелось спать на верхней, но Лусио, скорее всего, наденет пижаму и тоже полезет наверх.

– Нора, а вы уже плавали по морю? – спросил Медрано. Очень в его манере – сразу называть ее по имени. Видно, не робок с женщинами. Нет, не плавала, правда, была на экскурсии по Дельте, но это не то... А он-то, конечно, плавал? Да, было дело в молодости (как будто он старый). В Европу и в Соединенные Штаты, на конгрессы одонтологов и туризмом. Представьте себе, франк тогда стоил десять сентаво.

– Здесь-то вообще все оплачено, – сказала Нора и подумала, что лучше бы прикусила язык. Медрано смотрел на нее с симпатией и словно заранее обещая покровительство. И Лопес тоже смотрел на нее с симпатией, но в его взгляде сквозило и восхищение истинного портеньо, который не обойдет вниманием ни одну стоящую женщину. Если все на пароходе окажутся такими же симпатичными, как эти двое, путешествие удастся. Нора отпила немного гранатового напитка, чихнула. Медрано и Лопес продолжали улыбаться, словно ободряя, а Лусио уже, похоже, готов был защищать ее от столь явного проявления симпатий. Белый голубь сел на перила у входа в метро. И застыл, безразличный и чуждый толпе, текущей вниз и вверх по Авениде. А потом взлетел с перил, с виду точно так же беспричинно, как и до того опустился на них. В угловую дверь вошла женщина, ведя за руку мальчика. «Еще дети, – подумал Лопес. – Ну, этот-то наверняка плывет, если мы вообще поплывем. Скоро шесть, решающий час. В шесть всегда что-нибудь случается».

IV

– Здесь должно быть вкусное мороженое, – сказал Хорхе.

– Ты думаешь? – сказала Клаудиа, глядя на сына с заговорщическим видом.

– Ну конечно. Лимонное и шоколадное.

– Жуткая смесь, но раз тебе нравится...

Стулья в «Лондоне» были крайне неудобные, рассчитанные на то, чтобы поддерживать тело в безупречно вертикальном положении. Клаудиа устала от сборов, в последний момент выяснилось, что не хватало массы вещей, и Персио пришлось мчаться покупать их (по счастью, у бедняги не было особых хлопот со своими вещами, он собрался как на пикник), а она тем временем запирала квартиру и писала письмо, какие пишутся в последний момент, когда уже не находится ни мыслей, ни чувств... Но теперь она будет отдыхать – до усталости. Ей давно уже надо отдохнуть. «Давно уже мне надо было устать, чтобы отдохнуть», – поправила она себя, нехотя играя словами. Персио наверняка скоро явится, в последний момент он вспомнил, что не запер что-то в своей таинственной комнатке в Чакарито, где держал книги по оккультизму и рукописи, которые едва ли когда-нибудь будут напечатаны. Бедняга Персио, вот кому надо отдохнуть, как повезло, что Клаудии разрешили (благодаря телефонному нажиму доктора Леона Леубаума на некоего инженера) взять

Персио с собою в плавание, почти контрабандой, представив его дальним родственником. Уж если кто и заслуживает лотерейного выигрыша, так это Персио, неустанный корректор у Крафта, постоялец дешевых пансионов в западной части города, любивший бродить ночами в порту и по улочкам Флореса. «Ему больше, чем мне, нужно это дурацкое плавание, – подумала Клаудиа, разглядывая ногти. – Бедняга Персио».

От кофе ей стало лучше. Итак, она отправляется в плавание с сыном, прихватив заодно и старого друга, которого превратила в родственника. Отправляется, потому что ей достался счастливый билет, потому что Хорхе полезен морской воздух, а Персио он еще полезнее. Она подумала и повторила: итак, она отправляется... Отхлебнула кофе, рассеянно начала сначала. Непросто было свыкнуться мыслью с тем, что происходило, с тем, что должно было вот-вот произойти. Уехать – на три месяца или на всю жизнь – какая разница? Не все ли равно? Она не была счастлива и несчастна тоже не была, обычно крайности толкают на резкие перемены. Муж будет оплачивать содержание Хорхе в любой части света. А у нее есть рента, есть тревел-чеки и кое-какие деньги на черный день.

– Все эти люди плывут с нами? – спросил Хорхе, постепенно отходя от мороженого.

– Нет. Давай попробуем угадать кто, если хочешь. Я уверена, вон та сеньора в розовом.

- Ты думаешь, че? Она некрасивая.
- Ладно, не возьмем ее. Теперь ты.
- Вон те сеньоры за столиком, с сеньоритой.
- Очень может быть. Выглядят симпатичными. Ты захватил платок?
- Да, мама. Мама, а пароход большой?
- Думаю, да. Кажется, это какой-то особый пароход.
- Его кто-нибудь видел?
- Возможно, но он не из известных.
- Значит, некрасивый, – грустно сказал Хорхе. – Красивые все знают. Персио, Персио! Мама, Персио пришел.
- Персио точен, – удивилась Клаудиа. – Начнешь думать, что лотерея разрушает привычки.
- Персио, иди сюда! Что ты мне принес, Персио?
- Последние новости с планеты, – сказал Персио, а Хорхе, счастливый, смотрел на него и ждал.

V

Учащегося Фелипе Трехо очень интересовало, что происходит за соседним столиком.

- Ты только представь, – сказал он отцу, который отирал пот со всей элегантностью, на какую был способен. – Некоторые из этих лохов наверняка поплывут с нами.
- Ты не можешь выражаться попримичнее, Фелипе? – простонала сеньора Трехо. – Что за ребенок, когда он научится

хорошим манерам.

Беба Трехо советовалась по поводу своего макияжа с зеркальцем от Эйбара, попутно используя его в качестве перископа.

– Ладно, а эти-то каракатицы, – не унимался Фелипе. – Ты посмотри, эти-то просто рыночные торговки.

– Не думаю, что все отправятся в круиз, – сказала сеньора Трехо. – Возможно, вон та пара, что сидит во главе стола, и вон та сеньора, она, должно быть, мать девушки.

– Какие вульгарные, – сказала Беба.

– Какие вульгарные, – передразнил Фелипе.

– Не кривляйся.

– Фу-ты, ну-ты, герцогиня Виндзорская. Вылитая.

– Хватит, дети, – сказала сеньора Трехо.

Фелипе с удовольствием ощущал свою внезапную значительность, но пользовался ею с осторожностью, чтобы не спалить раньше времени. А сестрицу следовало взять в узду и сквитаться за все, чем она успела ему насолить.

– За другими столиками, по-моему, приличные люди, – сказала сеньора Трехо.

– Хорошо одетые, – сказал сеньор Трехо.

«Они мои гости, – думал Фелипе и готов был кричать от радости. – Старик, старуха и эта говнюшка. И я могу делать что хочу». Он обернулся на соседний столик и ждал, когда на него обратят внимание.

– Вы, случайно, не плывете на пароходе? – спросил он

смуглого мужчину в полосатой рубашке.

– Я – нет, паренек, – сказал смуглый. – А вот этот молодой человек с мамашей и сеньорита с мамашей – плывут.

– Ах, значит, вы провожаете.

– Так точно. А вы плывете?

– Да, с семьей.

– Вы счастливчик, молодой человек.

– Да уж, – сказал Фелипе. – А в следующий раз, может, и вам выпадет.

– Конечно. Выпадет.

– Наверняка.

VI

– А я тебе принес вести от осьминожки, – сказал Персио. Хорхе уперся локтями в стол.

– Он был под кроватью или в ванной? – спросил он.

– Вскарabкался на пишущую машинку, – сказал Персио. – Как ты думаешь, что он делал?

– Печатал на машинке.

– Сообразительный мальчик, – сказал Персио Клаудии. – Ну конечно, печатал на машинке. Вот страничка, сейчас прочту тебе. Слушай: «Отдыхай, я буду ждать, хоть на меня тебе плевать. Написал тебе немножко твой приятель Осьминожка».

– Бедняжка Осьминожка, – сказал Хорхе. – Что он будет

есть, пока тебя не будет?

– Спички, карандаши, телеграммы и баночку сардин.

– Он не сможет ее открыть, – сказала Клаудиа.

– Сможет, Осьминог сможет, – сказал Хорхе. – А какие новости с планеты, Персио?

– На планете, – сказал Персио, – кажется, прошел дождь.

– Если там прошел дождь, – прикинул Хорхе, – то муравочеловекам пришлось забираться на плоты. Потоп, наверное, был – или не совсем?

Персио точно не знал, но муравочеловеки способны были справиться с ситуацией.

– Ты не захватил телескоп, – сказал Хорхе. – Как же мы с борта парохода будем следить за нашей планетой?

– А звездная телепатия на что? – сказал Персио и подмигнул. – Клаудиа, вы устали.

– Вон та женщина в белом сказала бы, что все это – от влажности. Ну вот, Персио, мы тут. Что будет дальше?

– Ах вот вы о чем... У меня не было времени как следует изучить вопрос, но я готовлю фронт.

– Фронт?

– Фронт атаки. Каждую вещь, каждое событие следует атаковать различными способами. Люди почти всегда прибегают лишь к одному способу и получают половинчатые результаты. Я всегда подготавливаю свой фронт и затем синкретизирую результаты.

– Понимаю, – сказала Клаудиа тоном, который говорил об

обратном.

– Надо действовать *push-pull*³, – сказал Персио. – Не знаю, понятно ли я объяснил. Некоторые вещи находятся еще как бы в пути, и следует подтолкнуть их, чтобы увидеть, что произойдет дальше. Женщин, например, не при детях будет сказано. А что-то надо просто дернуть за рукоятку. Этот парень, Дали, знает, что делает (а может, как раз не знает, но все равно), когда рисует тело, забитое ящичками. По-моему, очень многое на свете имеет рукоятку. Возьмем, к примеру, поэтические образы. Если смотреть на них извне, не видно ничего, кроме открытого смысла, хотя он может быть вполне герметичным. Вы удовлетворитесь открытым смыслом? Ничего подобного. Надо дернуть за рукоятку и влезть внутрь ящичка. Дернуть за рукоятку означает приблизиться к сути, овладеть сутью, выйти из привычных рамок.

– А, – сказала Клаудиа, потихоньку делая знак Хорхе, чтобы он высморкался.

– В данном случае, например, имеет место огромное количество значащих элементов. Каждый столик, каждый галстук. В этом хаотическом беспорядке я вижу, как вырисовывается строгий порядок. И спрашиваю себя, что же будет дальше.

– И я – тоже. Но это забавное развлечение.

– Развлечение – всегда спектакль: мы его не анализируем, потому что тогда наружу вылезет непристойное притвор-

³ Здесь: тяни-толкай (англ.).

ство. Заметьте, я не против развлечения как такового, но прежде чем приступить к развлечению, я всегда сначала забираю лабораторию и выплескиваю кислоты и щелочи. Другими словами, подчиняюсь, поддаюсь кажимости. Вы сами прекрасно знаете, сколь драматично смешное.

– Прочти для Персио стихи о Гаррике, – сказала Клаудиа Хорхе. – Это будет прекрасная иллюстрация к его теории.

– *Завидя Гаррика, английского актера...* – во весь голос начал Хорхе. Персио внимательно слушал, а когда он закончил, захлопал в ладоши. За другими столиками тоже кто-то стал аплодировать, и Хорхе покраснел.

– Quod erat demonstrandum⁴, – сказал Персио. – Конечно же, я имел в виду более широкое понятие в том смысле, что любое развлечение – это вполне осознанная маска, которая в конце концов приживается и подменяет подлинное лицо. Почему человек смеется? Смеяться не над чем, разве что над самым смехом. Обратите внимание, часто дети, которые много смеются, заканчивают плачем.

– Глупые, – сказал Хорхе. – Хочешь, я прочитаю тебе про ныряльщика и жемчужину?

– На палубе, а вернее в кубрике, при свете звезд ты будешь читать мне все, что душе угодно, – сказал Персио. – А теперь я хотел бы немного разобраться в этом полугастрономическом окружении. Эти бандонеоны⁵ что означают?

⁴ Что и требовалось доказать (лат.).

⁵ Бандонеон – вид гармоники.

– О, мадонна, – сказал Хорхе и зевнул.

VII

Черный «линкольн», черный костюм, черный галстук. Остальное – смутно. Более всего из дона Гало Порриньо был замечен шофер с внушительной спиной и кресло на колесах – мощное сооружение из резины и хромированного железа. Многие остановились посмотреть, как шофер с сиделкой вытаскивали дона Гало и водружали на тротуар. На лицах проступала жалость, приглушенная очевидным богатством больного господина. К тому же сам дон Гало, походивший на ошипанного цыпленка, глядел так высокомерно, что хотелось пропеть ему «Интернационал» прямо в лицо, чего, однако, никто никогда не делал, как заметил Медрано, невзирая на то, что Аргентина – свободная страна, а музыка относится к тем искусствам, которые поощряются в самых высоких сферах.

– А я и забыл, что дон Гало тоже выиграл в лотерею. Да и как дон Гало мог не выиграть? Но вот что старик отправится в такое путешествие, никогда бы не подумал. Это просто невероятно.

– Вы знакомы с этим сеньором? – спросила Нора.

– Тот, кто в Хунине не знает дона Гало Порриньо, достоин публичной казни на самой лучшей и просторной площади, – сказал Медрано. – Превратности моей профессии заброси-

ли меня в этот передовой город лет пять назад, где я томился, пока не настали счастливые времена и я перебрался в Буэнос-Айрес. Дон Гало был одним из первых отцов города, с которым я там познакомился.

– Он выглядит вполне приличным господином, – сказал доктор Рестелли. – Правда, немного странно, что при таком автомобиле...

– При таком автомобиле, – сказал Лопес, – можно выбросить за борт капитана, а пароход использовать в качестве пельницы.

– При таком автомобиле, – сказал Медрано, – можно захватить очень далеко. Даже от Хунина до «Лондона». Одна из моих слабостей – наука сплетни, хотя должен сказать в свое оправдание, меня интересуют лишь определенные, высшие формы сплетни, как, например, история. Что я могу вам сказать о доне Гало? (Так начинают некоторые писатели, которые прекрасно знают, что хотят сказать.) Я бы сказал, что ему более подходит имя Гай, а почему – сейчас увидите. В Хуине есть большой магазин с многозначительным названием «Золото и Лазурь»; однако если бы вы были склонны к прогулкам по Буэнос-Айресу, в чем я сомневаюсь, то знали бы, что на площади Двадцать Пятого Мая тоже есть магазин «Золото и Лазурь» и что практически во всех крупных населенных пунктах нашей обширной провинции золото и лазурь осели на самых стратегически важных перекрестках. А следовательно, миллионы песо осели в карманах дона Гало,

трудолюбивого испанца, который, как я полагаю, прибыл в эту страну точно так же, как и почти все его соплеменники, и трудился тут с упорством, которое отличает их в наших пампах, столь располагающих к послеобеденным сиестам. Дон Гало, паралитик, почти одинокий, живет в своем дворце на улице Палермо. Хорошо отлаженная цепочка служащих охаживает каждое звено этой цепи из золота и лазури: управляющие, глаза и уши властелина, денно и нощно бдят, совершенствуют, информируют и санкционируют. И вот... Я не утомил вас?

– Нет-нет, – сказала Нора, которая просто-упивалась-его-словами.

– Ладно, – чуть насмешливо продолжал Медрано, выдерживая взятый стиль, который, он был уверен, только Лопес мог оценить в полной мере. – И вот лет пять назад отмечалась бриллиантовая свадьба дона Гало с его галантерейной торговлей, портняжными мастерскими и прочими сопутствующими ремеслами. Управляющие на местах через официальные каналы узнали, что патрон ожидает от своих служащих чествования и намерен самолично провести смотр всех своих магазинов и магазинчиков. В ту пору я был в приятельских отношениях с Пеньей, управляющим филиалом в Хунине, и он был страшно озабочен предстоящим визитом дона Гало. Пенье стало известно, что визит будет носить в высшей степени рабочий характер и что дон Гало намеревается осмотреть все до последней пуговицы. По-види-

мому, он получил какую-то тайную информацию. И поскольку все управляющие были озабочены одинаково, то между филиалами началось дикое соревнование, эдакая гонка вооружений. Мы в клубе хохотали над рассказами Пеньи о том, как он подкупил двух коммивояжеров, чтобы они сообщали, что готовят к визиту патрона в филиале на улице Девятого Июля или на улице Пеуахо. И он тоже лез вон из кожи, и у него в магазине служащие, раздраженные и перепуганные, работали допоздна.

Дон Гало начал турне в честь своего юбилея с Лобоса, посетил, кажется, три или четыре своих лавки и в одну прекрасную ослепительно-солнечную субботу появился в Хуни-не. В то время он ездил на синем «бьюике», но Пенья велел приготовить для него открытый автомобиль, на каком и Александр Македонский не побрезговал бы въехать в Персеполь. На дона Гало произвела впечатление встреча: Пенья со свитой ожидал его у въезда в город и предложил перейти в открытый автомобиль. Кортёж торжественно проехал по главной улице: я таких вещей не пропускаю, а потому пришел заранее и встал на краю тротуара неподалеку от магазина. Когда машина подъехала, служащие, расставленные должным образом, принялись аплодировать. Девушки бросали белые цветы, а мужчины (многие – специально нанятые для этого случая) размахивали флажками с лазурно-золотой эмблемой. Через улицу перекинули подобие триумфальной арки с транспарантом: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОН ГА-

ЛО. Бедняге Пенье эта маленькая вольность стоила бессонной ночи, но старику дерзновенный порыв подданных пришелся по нраву. Автомобиль остановился перед магазином, аплодисменты перешли в овацию (прошу прощения за ненавистное, но в данном случае необходимое выражение), и дон Гало, как обезьянка сидя на краешке стула, время от времени поднимал правую руку в знак приветствия. Уверяю вас, он вполне мог бы посылать привет и обеими руками, но я уже понял, что собой представлял этот тип: Пенья не преувеличивал. Сеньор феодал посетил своих рабов и с любезно-недоверчивым видом взвешивал почести, которые те ему воздавали. Я ломал голову, старался вспомнить, где я уже видел подобное. Не саму сцену, потому что она в точности повторяла любую официальную встречу с флажками, транспарантами и цветами. А то, что за этой сценой скрывалось (а мне – выяснилось): все эти насмерть перепуганные приказчики и закройщики, бедняга Пенья, скучающе-алчное лицо дона Гало. Когда Пенья поднялся на скамеечку зачитать приветственную речь (признаюсь, добрая ее часть была моей, потому что из подобных вещей и состоят нехитрые развлечения в маленьком городке), дон Гало заерзал в кресле, а потом, слушая, время от времени одобрительно кивал головой и с холодной любезностью принимал оглушительные взрывы аплодисментов, которыми раздражались служащие точно в тех местах, которые им указал накануне вечером Пенья. Когда же он дошел до самого волнующего момента (мы в по-

дробностях расписали трудовые свершения дона Гало, *self made man*⁶, самоучка и т. п.), я увидел, что чествуемый сделал знак гориллоподобному шоферу, которого вы тут видите. Горилла вылез из автомобиля и сказал что-то одному из стоявших у края тротуара, тот покраснел и тоже сказал что-то другому, стоявшему рядом, и тот тоже пришел в смущение и стал оглядываться по сторонам, словно высматривая, откуда явится спасение... И я понял, что близок к решению загадки, что сейчас узнаю, отчего же все это мне так знакомо. «Он попросил серебряный уринник, – догадался я. – Гай Тримальхион. Мать моя мамочка, мир только и делает, что повторяется...» Но нет, конечно, не ночной горшок, а всего лишь стакан воды, хорошо продуманный стакан воды, чтобы раздавить Пеню, сбить пафос его речи и наверстать то, что потерял из-за трюка с открытым автомобилем...

Нора не поняла концовки, но ее заразил смех Лопеса. Роберто, с большим трудом устроив дона Гало у окна, нес ему апельсиновый сок. Шофер уже отошел и у двери разговаривал с сиделкой. Кресло дона Гало мешало всем, загораживая дорогу, но, похоже, именно это дону Гало и нравилось. Лопес от души развлекался.

– Быть того не может, – повторял он. – С таким здоровьем и при таком богатстве отправляться в плавание лишь потому, что задаром?

– Не так уж задаром, – сказал Медрано, – лотерейный би-

⁶ Человек, всем обязанный себе самому (англ.).

лет стоил ему десять песо, че.

— В старости у деятельных мужчин случаются ребяческие капризы, — сказал доктор Рестелли. — Я сам — о деньгах говорить не будем — спрашиваю себя, а мне-то надо ли было...

— А вот и с бандонеонами пришли, — сказал Лу시오. — Неужели к нам?

VIII

Кафе это для заковыристой публики, сразу видно: стулья как для министров, а подавальщики морду воротят, если попросишь пол-литровую кружку, да чтобы пиво долили после того, как отстоится пена. В общем, не та обстановка, вот что плохо.

Атилио Пресутти, более известный как Мохнатый, запустил пятерню в свои буйные кудри цвета спелой моркови и, с трудом продравшись сквозь них до затылка, вынул руку. Потом пригладил каштановые усы и поглядел на собственную веснушчатую физиономию в стенном зеркале с удовлетворением. Однако удовлетворение оказалось неполным, и он вынул из верхнего кармашка пиджака синюю расческу и принялся причесываться, свободной рукой старательно подбивая кудри, чтобы лучше обозначить чуб. Глядя на него, и двое его приятелей тоже стали приводить в порядок шевелюру.

— Для заковыристых кафе, — повторил Мохнатый. — Кому

это брызнуло устраивать проводы в таком месте.

– Мороженое тут хорошее, – сказала Нелли, стряхивая перхоть с его лацкана. – Зачем ты надел синий костюм, Атилио? Только погляжу – и от жары умираю, клянусь.

– В чемодане он изомнется, – сказал Мохнатый. – Я бы скинул пиджак, да тут вроде как неудобно. Лучше б собрались в баре Ньято, по-свойски.

– Замолчите, Атилио, – сказала мать Нелли. – Не говори мне про проводы после того, что было в воскресенье. Ах боже мой, как вспомню, так сразу...

– Подумаешь, какое дело, донья Пепа, – сказал Мохнатый. Сеньора Пресутти строго посмотрела на сына.

– Что значит – какое дело, – сказала она. – Ах, донья Пепа, эти дети... Выходит, тебе все нипочем? А отец твой отчего же в постели с вывихнутой лопаткой и разбитой ногой?

– А что такого? – сказал Мохнатый. – Да старик наш покрепче паровоза.

– Что случилось-то? – спросил один из приятелей.

– А ты разве не был в воскресенье?

– А ты не помнишь, что я не был? Я ж к бою готовился. А когда готовишься – праздники побоку. Вспомни, я тебя предупредил.

– Теперь вспоминаю, – сказал Мохнатый. – Ты такое пропустил, Русито.

– Несчастный случай приключился, да?

– Еще какой, – сказал Мохнатый. – Старик с крыши на-

вернулся, прямо во двор, чуть не убился. Ой, что было.

– Настоящий несчастный случай, – сказала сеньора Пресутти. – Расскажи, Атилио, а то меня страх берет, только вспомню.

– Бедняжка донья Росита, – сказала Нелли.

– Бедняжка, – сказала мать Нелли.

– Подумаешь, какое дело, – сказал Мохнатый. – Ну, собрались ребята проводить нас с Нелли. Старуха налепила равиолей, потрясных, а ребята притащили пива и пирожных всяких. Сидим, значит, на террасе, на крыше, мы с младшеньким пристроили навес, принесли радиолу. В общем, все у нас есть, гуляем. Сколько нас было-то? Тридцать, не меньше.

– Больше, – сказала Нелли. – Я считала, почти сорок. Жаркого еле хватило, помню.

– В общем, славно погудели, не то что здесь, как в мебельном магазине. Старик сидел во главе стола, рядом с ним – дон Рапо, с верфей. Сам знаешь, старик мой обожает стаканчик опрокинуть. Смотри-ка, смотри-ка, какую старуха мину скорчила. Я что – неправду говорю? А что в этом плохого? Я знаю одно: когда бананы принесли, мы все уже были косые, а старик – косее всех. А как пел, мамочка родная. Потом ему в голову ударило выпить за наше плавание, он поднялся – пол-литровая кружка в руке, – только рот разинул, а тут его кашель прихватил, он назад вот так откинулся и ухнул вниз, прямо во двор. Грохоту было – ужас, бедный старик. Ну прямо как мешок с кукурузой, клянусь.

– Бедный дон Пипо, – сказал Русито, а сеньора Пресутти достала из сумочки платок.

– Видишь, Атилио? Заставил маму плакать, – сказала Нелли. – Не плачьте, донья Росита. Ничего страшного не случилось.

– Конечно, – сказал Мохнатый. – Но шороху наделал, че. Мы все – вниз, я был уверен, что старик себе шею свернул. Женщины – в слезы, такое тут заварилось. Я велел Нелли радиолу выключить, а донье Пепе пришлось заняться старухой, с ней припадок приключился. Бедняга, как ее корчило.

– А дон Пипо? – спросил Русито, жаждавший крови.

– Ну, старик у нас потрясный, – сказал Мохнатый. – Я как увидел его – лежит на каменных плитах и не шелохнется, – так и подумал: «Ну все, остался ты, милоч, без отца, сиротою». Младшенький пошел вызывать «скорую», а мы стянули со старика майку, поглядеть, дышит ли. А он первым делом, как глаза открыл, сразу руку в карман, проверить: бумажник не сперли? Старик, он такой. Потом сказал, что спину больно, но ничего, обойдется. Сдается, он был не прочь гудеть и дальше. Помнишь, старая, как мы тебя привели, чтоб ты своими глазами увидела – ничего с ним не случилось? Вот смеху-то, ей бы успокоиться, а с ней опять припадок, да пуще прежнего.

– Волнительная она у вас, – сказала мать Нелли. – Один раз у нас тоже...

– В общем, когда «скорая» подроспела, старик уже сидел на

каменном полу, а мы все хохотали как бешеные. Двое фельдшеров прикатили и слушать не захотели, чтобы оставить его дома. Увезли все-таки бедного старика, не оставили, но я тоже не дал маху: когда один попросил меня какую-то бумажку подписать, я заставил его сперва посмотреть мне ухо, его иногда закладывает.

– Потрясно, – сказал Русито ошеломленно. – А я пропустил такое. Какая жалость, именно в тот день надо было тренироваться.

Другой приятель в рубашке с большим стоячим воротником вдруг вскочил на ноги.

– Гляньте-ка, кто пришел! Потрясно, ребята!

Торжественные, сверкая напомаженными волосами, в безупречных клетчатых костюмах, бандонеонисты из ансамбля Асдрубала Кресиды шествовали меж все более заполнявшихся столиков. За ними шел парень в жемчужно-сером костюме и черной рубашке, кремовый галстук был заколот булавкой в форме герба футбольного клуба.

– Мой брат, – сказал Мохнатый, хотя все присутствующие были в курсе этой существенной подробности. – Подумать только, решил сделать нам сюрприз.

Популярный певец Умберто Роланд приблизился к столу и горячо пожал руки всем по очереди, за исключением собственной матери.

– Потрясно, братан, – сказал Мохнатый. – Договорился о подмене на радио?

– Сказал, что зуб болит, – ответил Умберто Роланд. – А не то сразу вычтут денежки. Вот и товарищи мои из ансамбля тоже пришли проводить вас.

Роберто угрюмо придвинул еще один столик и четыре стула, артист заказал холодный кофе с ромом, а музыканты сошлись на пиве.

IX

Паула и Рауль вошли в дверь со стороны Флориды и сели за столик у окна. Паула едва окинула взглядом кафе, а Рауль с интересом принялся отгадывать, кто же из этой массы обливающихся потом буэносайресцев может оказаться их попутчиками.

– Не будь у меня в кармане приглашения, я бы решил, что кто-то из друзей подшутил надо мной, – сказал Рауль. – А тебе не кажется все это невероятным?

– В данный момент мне это кажется нестерпимо жарким, – сказала Паула. – Но допускаю, что приглашение подлинное.

Рауль развернул кремового цвета листок и перечитал еще раз:

– В восемнадцать часов в этом кафе. Багаж заберут утром из дому. Убедительно просят никого с собой не приводить. Все остальное обеспечивает Управление экономического развития. Ничего себе лотерея. Но почему в этом ка-

фе, скажи на милость?

– С некоторых пор я отказываюсь что бы то ни было понимать в этом деле, – сказала Паула, – за исключением того, что ты счастливо выиграл по лотерейному билету и пригласил меня с собой, лишив раз и навсегда возможности попасть в справочник «Кто есть кто в Аргентине».

– Наоборот – это загадочное плавание прибавит тебе весу. Можешь сказать, что удалилась от света ради духовного очищения или что пишешь монографию о Дилане Томасе⁷, очередном модном в литературных кофейнях поэте. Я лично считаю, что главное очарование всякого безумства состоит в том, что оно всегда кончается плохо.

– Да, порою в этом есть свое очарование, – сказала Паула. – *Le besoin de la fatalité*⁸, как говорится.

– В худшем случае получится обычное плавание, правда, неизвестно куда. На три-четыре месяца. Признаюсь, именно это, последнее, меня и склонило в его пользу. Куда же это они могут отправить нас так надолго? Разве что в Китай?

– В который из двух?

– В оба, отдавая должное традиционному нейтралитету Аргентины.

– Хорошо бы, но увидишь, привезут в Геную, а оттуда – на автобусах по всей Европе, пока не растрясут вконец.

– Сомневаюсь, – сказал Рауль. – В таком случае они бы

⁷ Дилан Томас (1914–1953) – английский поэт, прозаик, драматург.

⁸ Неотвратимость рока (*фр.*).

до отплытия расписали это на все лады. А когда отплывем – там уже другой разговор.

– Но все-таки, – сказала Паула, – что-то о маршруте говорили.

– В высшей степени туманно. И в сослагательном наклонении, так что я даже не запомнил, какие-то намеки с целью разбудить в нас природный авантюризм и азартность. Короче, бесплатное морское путешествие с учетом международной обстановки. То есть нас не повезут ни в Алжир, ни во Владивосток, ни в Лас-Вегас. Главная хитрость – оплаченные отпуска. Какой же служащий устоит? Да и тревел-чеки прими в расчет. В долларах, заметь, в долларах.

– Да и возможность пригласить меня.

– Вот именно. И узнать, излечивает ли морской воздух и экзотические портовые города от любовного недуга.

– Как-никак, а лучше люминала, – проговорила Паула, глядя на него. Рауль тоже посмотрел на нее. Так они и смотрели друг на друга некоторое время, чуть ли не с вызовом.

– Ладно, – сказал Рауль, – хватит глупостей. Ты мне обещала.

– Ясное дело, – сказала Паула.

– Ты всегда говоришь «ясное дело», когда оно как раз самое что ни на есть темное.

– Обрати внимание. Я сказала: как-никак, а лучше люминала.

– Идет, *on laisse tomber*⁹.

– Ясное дело, – повторила Паула. – Не сердись, милый. Я тебе очень благодарна, правда. Ты меня берешь с собой и вытаскиваешь из такого болота, пусть даже при этом гибнет моя и без того невысокая репутация. Право же, Рауль, я верю, что путешествие пойдет мне на пользу. Особенно если вляпаемся в какую-нибудь дурацкую историю. Вот смеху-то будет.

– Как бы ни обернулось, а разнообразие, – сказал Рауль. – Мне немножко поднадоело проектировать виллы для таких, как твое или мое семейство. Понимаю, что нашел довольно глупое решение и даже не решение, а просто отсрочку. В конце концов мы приплывем сюда же, и все снова будет в точности как прежде. Но может быть, чуть-чуть не точно так, как прежде.

– Одного не могу понять – почему ты не пригласил с собой какого-нибудь друга, кто тебе более близок, чем я.

– Возможно, именно поэтому, миледи. Чтобы эта близость не продолжала связывать меня с великой южной столицей. Не говоря уж о том, что близость, сама знаешь...

– По-моему, – сказала Паула, глядя ему в глаза, – ты просто потрясающий.

– Благодарю. Это, конечно, не совсем так, но ты помогаешь мне таким казаться.

– Я верю, что путешествие будет очень интересным.

⁹ Оставим это (*фр.*).

– Очень.

Паула глубоко вздохнула. Внезапно – как будто ощутила что-то вроде счастья.

– Ты захватил таблетки от качки?

Но Рауль смотрел на шумную молодежную компанию.

– Боже, – сказал он. – Похоже, один собирается петь.

А

Пользуясь тем, что завязался диалог между матерью и сыном, Персио думает, оглядывает все вокруг себя и ко всему, что видит вокруг, прилагает логос, или из логоса извлекает нить, в глубинной сути ищет тончайший хрупкий след к зримому, которое должно было бы – именно этого он хочет – открыть ему ход к синтезу. Без труда отсекает Персио второстепенные фигуры от центральных, действующих, рассчитывает и собирает воедино значащие элементы, проникает внутрь окружающих обстоятельств и перепаживает их вдоль и поперек, расчленяет и анализирует, отделяет и кладет на весы. И то, что он видит вокруг, обретает объем, который способен бросить в пот, породить видения, не имеющие никакого отношения к галлюцинациям, населенным тиграми и жесткокрылыми насекомыми, способен породить пыл, что преследует свою жертву неотступно, но без обезьяньих прыжков и лебединой эхололии. Уже за пределами кафе остались статисты, наблюдаю-

щие за тем, как разворачивается партия (теперь это становится игрой), и не знающие, чем она закончится. Персио находит все большее удовольствие в том, чтобы на плате отделять мимолетное сияние тех, кто остается, от тех, кому предстоит пуститься в плавание. Он знает не больше, чем они, о законах игры, но чувствует, что законы эти создаются тут самими игроками, словно на бескрайней шахматной доске, где сражаются немые противники по законам, единым и для слона, и для коня, этих игрушечных дофинов и сатиров. Каждая партия – целая навимахия¹⁰, каждый шаг – поток слов или слез, каждая клеточка на доске – песчинка, заключающая в себе море крови, или комичную участь белки в колесе, или провал жонглеров, что кувыркаются на лугу под звон бубенцов и аплодисментов.

Итак, добрые намерения властей, предпринятые с благой целью, а возможно (это точно никогда не известно), с вполне корыстным интересом, при которых судьба сама вычленяет счастливых, собрали это людское сообщество в «Лондоне», это маленькое воинство, в котором Персио различает правофланговых, фуражиров, перебежчиков и, возможно, героев, измеряет расстояние от аквариума до окна и ледяное течение времени между взглядом мужчины и подкрашенной улыбкой женщины, неизмеримую даль судеб, которые вдруг сошлись здесь в ужасающей мешанине из бесконечно одиноких существ: они встретились тут, вый-

¹⁰ Навимахия – искусство морского боя.

дя из такси и поездов, оставив своих любовников, любовниц и конторы, и уже стали единым целым, которое пока еще не осознает себя таковым и не ведает, что может стать необычным поводом для запутанной истории, которая, возможно, рассказывается напрасно или не будет рассказана никогда.

X

– Итак, – сказал Персио, вздохнув, – мы уже, наверное, стали единым целым, которого никто не видит, а может, кто-то видит, а кто-то не видит.

– Вы как будто выныриваете из водных глубин, – сказала Клаудиа, – и еще хотите, чтобы я вас понимала. Дайте хотя бы наводящие мысли. Или ваш фронт атаки непременно герметичен?

– Нет, зачем же, – сказал Персио. – Но дело в том, что гораздо проще увидеть, чем рассказать о том, что увидено. Я вам страшно благодарен за то, что вы берете меня с собой, Клаудиа. Мне будет так хорошо с вами и с Хорхе. Каждый день на палубе заниматься гимнастикой и петь, если только это разрешается.

– Ты никогда не плавал на пароходе? – спросил Хорхе.

– Не плавал, но читал романы Конрада и Пио Барохи, через несколько лет и ты будешь восхищаться этими писателями. Вам не кажется, Клаудиа, что, включаясь в какую-то де-

тельность, мы как бы отказываемся от чего-то, к чему принадлежим, чтобы стать частью другого неизвестного нам механизма, некой сороконожки, где мы будем всего-навсего одним колечком ее тела и двумя-тремя выхлопами вонючих газов, если использовать образ паровоза.

– Он сказал «вонючие газы»! – обрадовался Хорхе.

– Сказал, но совсем не то, что ты подумал. Мне кажется, Персио, что без этой способности отказываться, как вы выражаетесь, мы были бы не бог весть что. Слишком уж мы пассивны, слишком смиренно принимаем судьбу. Эдакие столпники, по сути, или вроде босховского святого с птичьим гнездом на голове.

– Мое наблюдение вовсе не аксиологично и не нормативно, – задиристо возразил Персио. – Просто я снова как бы выпадаю в вышедший из моды унанимизм, но хочу найти ему иное толкование. Известно, что сообщество – это больше и в то же время меньше, чем сумма его составляющих. Мне же хотелось бы выяснить, если бы я мог ощутить себя в полной мере внутри и вне этого сообщества, – а я думаю, что это возможно, – является ли эта людская сороконожка по своему строению и консистенции чем-либо большим, нежели простая случайность; включает ли в себе эта фигура некий магический смысл и способна ли эта фигура в определенных обстоятельствах двигаться в более сущностном понимании этого слова, нежели простое движение ее отдельных членов. Уф.

– В более сущностном? – сказала Клаудиа. – Разберемся сперва в этой подозрительной терминологии.

– Когда мы наблюдаем, например, за созвездием, – сказал Персио, – мы как бы принимаем за данность, что некое соотношение, ритм, объединяющий его звезды и который мы предполагаем – исходя из того, что там происходит нечто, определяющее это соотношение, – более глубок, более сущностен, нежели каждая отдельно взятая звезда. Вы не замечали, что отдельные звезды, которым не посчастливилось войти в созвездия, выглядят незначительными рядом с этими не поддающимися расшифровке небесными письменами? Не одни лишь астрологические и мнемотехнические доводы объясняют сакрализацию созвездий. Должно быть, человек с начала начал чувствовал, что каждое созвездие есть некий клан, сообщество, популяция; и если говорить об их поведении, они гораздо активнее, порою даже антагонистичны. Иногда ночами мне случалось наблюдать настоящие войны между звездами, невероятную по напряженности игру. Это при том, что с крыши дома, в котором я живу, видно не очень хорошо, в воздухе всегда стоит дым.

– Ты смотрел на звезды в телескоп, Персио?

– Нет-нет, – сказал Персио. – Видишь ли, на некоторые вещи надо смотреть голым глазом. Я не против науки, просто считаю: лишь поэтическое видение может объять смысл фигур, начертанных и составленных ангелами. Сегодняшний вечер в этом кафе может заключать в себе одну из таких фи-

гур.

– Где эта фигура, Персио? – спросил Хорхе, оглядываясь по сторонам.

– Она начинается лотереей, – сказал Персио очень серьезно. – Шары, перемешавшись, выбрали из сотен тысяч людей нескольких мужчин и женщин. Эти счастливчики, в свою очередь, выбрали кого-то с собой в плавание, за что я, со своей стороны, чрезвычайно благодарен. Обратите внимание, Клаудиа, в строении этой фигуры нет ничего прагматического или функционального. Мы не орнамент розетты готического собора, мы на мгновение застывший эфемерный орнамент калейдоскопа. Но прежде чем он исчезнет, распадется от следующего прихотливого поворота, какие игры будут сыграны меж нами, в какой рисунок сложатся холодные и теплые цвета, какие сочетания дадут трезвые и мечтательные нравы и темпераменты?

– О каком калейдоскопе ты толкуешь, Персио? – сказал Хорхе.

И тут зазвучало танго.

XI

И мать, и отец, и сестра школьника Фелипе Трехо полагали, что неплохо бы заказать чай с пирожными. Кто знает, когда удастся поужинать на пароходе, да и отплывать на голодный желудок не стоило (мороженое – не еда, во рту расплы-

вается). На пароходе лучше всего вначале поесть что-нибудь всухомятку и лечь на спину. При качке главное – не думать о ней. Тетушку Фелису начинало мутить всякий раз, когда она оказывалась в порту или просто видела в кино подводную лодку. Фелипе слушал рассказы, которые знал уже наизусть, и смертельно скучал. Сейчас мать расскажет, как ее молоденькой девушкой затошнило во время прогулки по Дельте. А сеньор Трехо напомним, что он предупреждал ее в тот день, чтобы она не ела столько дыни. А сеньора Трехо скажет, что дыня тут ни при чем, потому что она ела ее с солью и от посоленной дыни вреда не бывает. Ему бы хотелось знать, о чем говорят за столиком, где сидят Черный Кот и Лопес; наверняка о школе, о чем же еще могут говорить учителя. Надо бы, наверное, подойти к ним поздороваться. А с другой стороны, зачем – на пароходе они все равно встретятся. То, что Лопес оказался среди счастливчиков, еще куда ни шло, он парень мировой, а вот выигрыш Черного Кота – это уже подлянка.

Неизбежно мысли вернулись к оставшейся дома Негрите, когда он уходил, лицо у нее было не очень грустное, но все-таки грустноватое. Не из-за него, разумеется. Конечно, эта шлюшка печалилась, что не может отправиться в плавание с хозяевами. Дурак он все-таки круглый, потребуй он как следует, чтобы и Негрита поехала с ними, матери пришлось бы сдаться. Или Негрита с ними – или вообще никто. «Но, Фелипе...» – «А что такого? Разве тебе не нужна на пароходе

прислуга?» Но тогда бы они поняли его намерения. С них станется, могли и свинью подложить, он же еще несовершеннолетний, пожаловались бы наставнику – и не видать тебе морского путешествия как своих ушей. «А могли бы предки из-за этого пожертвовать плаванием?» – подумал он. Да ни за что на свете. А, да на что она сдалась ему, эта Негрита. Так и не впустила к себе в комнату, хоть он и тискал ее всюю в коридоре, хоть и обещал подарить ей часики, как только вытянет денежки у старика. Сама-то, конечно, ничего особенного, но вот ноги... Фелипе почувствовал слабость в членах и размягченность, предвещавшие прямо противоположное ощущение, и выпрямился на стуле. Высмотрел пирожное, на котором было побольше шоколада, и на долю секунды опередил Бебу.

- Снагличал, как всегда. Обжора.
- Ладно тебе, дама с камелиями.
- Дети... – сказала сеньора Трехо.

Неизвестно, будут ли на пароходе девицы, которыми стоило бы заняться. Ему вспомнился – помимо воли, но настойчиво – Ордоньес, с пятого курса, он верховодил в их компании, вспомнились советы, которые он давал ему однажды летней ночью на скамейке у Конгресса. «Не тушуйся, парень, ты уже не маленький, чтобы малафьей заливаться, с этим делом пора кончать». Он возражал, смущенно и пренебрежительно, а Ордоньес похлопывал его по колену, подбадривая: «Давай, давай, не придуривайся. Я старше тебя на два года и

знаю. Не для тебя эти детские забавы, че. Я тебя разве плохому учу? Ты уже на танцы ходишь, так что одного этого тебе мало. Первую же, какая согласится, волоки в Тигре, там можешь ее завалить где хочешь. Если с монетой туго, только скажи, я попрошу брата, он счетовод, пустит тебя в свою хибару на вечерок. В постели-то, ясное дело, сподручнее...» И еще много чего вспомнилось, разные подробности, дружеские советы. Хоть Фелипе и чувствовал себя неловко, хоть и злился, но Ордоньесу был благодарен. Не то что Алфиери, например. Конечно, Алфиери...

– Кажется, сейчас будет музыка, – сказала сеньора Трехо.

– Какая пошлость, – сказала Беба. – Этого не следовало позволять.

Сдавшись на дружные уговоры родственников и друзей, популярный певец Умберто Роланд уже поднялся на ноги, а Мохнатый с Русито, не переставая убеждать и по-свойски подталкивая, помогали бандонеонистам усесться поудобнее и расчехлить инструменты. Звучали шуточки, смех, у окон, выходивших на Авениду, столпился народ. В окно, выходившее на Флориду, растерянно глядел полисмен.

– Потрясно, потрясно! – кричал Русито. – Че, Мохнатый, ну и братан у тебя, ништяк!

Мохнатый уже стоял возле Нелли и знаками призывал к тишине.

– Минуточку внимания, че! Мамочка родная, да что же это такое, не кафе, а бардак.

Умберто Роланд прокашлялся и пригладил волосы рукой.

— Просим извинения, мы не смогли прийти с ударными, — сказал он. — Что получится, то получится.

— Давай, парень, давай.

— В честь отъезда моего дорогого брата и его симпатичной невесты я вам спою танго Виски и Кадикамо «Отчаянная куколка».

— Потрясно! — сказал Русито.

Бандонеоны проиграли заливистое вступление, и Умберто Роланд, опустив левую руку в карман брюк, простер правую перед собою и запел:

Че, мадам, вы говорите по-французски,
Шампань вы пьете и едите вкусно,
Не зная удержу, швыряетесь деньгами,
И жизнь для вас — как танго без конца...

Неожиданное и столь же непривычное для «Лондона» звуковое извержение сразу обратило на себя всеобщее внимание, и, меж тем как за столиком Мохнатого воцарилась мертвая тишина, шум и разговоры вокруг стали еще слышнее. Мохнатый и Русито обводили присутствующих гневным взглядом, а Умберто Роланд форсировал голос.

И дружбу водите, мадам, вы с кем попало,
А вам всего лишь двадцать весен миновало...

Карлос Лопес был в восторге, о чем он и сообщил Медрано. Доктора Рестелли атмосфера – как он сказал, – складывавшаяся в кафе, откровенно раздражала.

– Позавидуешь раскрепощенности этих людей, – сказал Лопес. – Их поведение в пределах возможностей, которыми они располагают, почти совершенно, они даже не подозревают, что в мире есть что-то, кроме танго и клуба «Расинг».

– Посмотрите на дона Гало, – сказал Медрано. – По-моему, старик испуган.

Дон Гало уже вышел из столбняка и теперь подавал знаки шоферу, который тут же бросился к нему, выслушал хозяйна и выскочил из кафе. Все видели, как он говорил что-то полицейскому, который наблюдал сцену через выходявшее на Флориду окно. Потом видели, как полицейский поднял кверху руку, сжатую в кулак, и потряс ею в воздухе.

– Вот так, – сказал Медрано. – А собственно, что они сделали плохого?

Мужчин меняете, мадам, вы как перчатки,
И вас отчаянною куколкой зовут...

Паула и Рауль от души наслаждались сценой, а Лусио с Норой, судя по всему, находились в замешательстве. Семейство Фелипе Трехо хранило холодно-непроницаемый вид, а сам Фелипе заворуженно следил за порхающими по клавиатуре пальцами бандонеонистов. Хорхе приступил ко

второй порции мороженого, а Клаудиа с Персио по-прежнему были погружены в метафизическую беседу. И над всеми ними, над безразличием или откровенным удовольствием посетителей кафе «Лондон», Умберто Роланд приближался к печальной развязке прославленного аргентинского танго:

Промчались годы, ты любовь не сохранила,
И молодость пропала без следа...

Под восторженные крики, аплодисменты и стук ложечек о стол Мохнатый растроганно поднялся на ноги и заключил брата в объятия. Потом пожал руки троим музыкантам, ударил себя ладонью в грудь и, достав огромный носовой платок, высморкался. Умберто Роланд снисходительно поблагодарил за аплодисменты, Нелли и другие девицы нестройным хором восторгались, на что певец отвечал неувядающей улыбкой. В этот момент ребенок, которого до тех пор никто не замечал, издал мычание, подавившись, по-видимому, пирожным, за столиком поднялся переполох, его перекрыл призыв к Роберто принести стакан воды.

– Ты пел грандиозно, – говорил расчувствовавшийся Мохнатый.

– Как всегда, не более, – отвечал Умберто Роланд.

– Какие в нем чувства играют, – высказалась мать Нелли.

– Он всегда был такой, – сказала сеньора Пресутти. – Об ученье и слушать не хочет. Он искусством живет.

– Совсем как я, – сказал Русито. – Кому оно нужно, это ученье. Чтобы деньги зашибать, нам ума не занимать.

Нелли наконец извлекла остатки пирожного из глотки ребенка. Толпившиеся у окон люди начали расходиться, и доктор Рестелли оттянул пальцем крахмальный воротничок, выказывая явное облегчение.

– Ну вот, – сказал Лопес. – Похоже, настал момент.

Два господина в темно-синих костюмах усаживались посреди зала. Один коротко похлопал в ладоши, а другой знаком призвал к тишине. И голосом, который не нуждался в таковой, произнес:

– Просим посетителей, не имеющих письменного приглашения, и провожающих покинуть помещение.

– Чиво? – спросила Нелли.

– Таво, что мы должны уйти, – ответил один из приятелей Мохнатого. – Только начали развлекаться – и на тебе.

Когда первое удивление схлынуло, слышались восклицания и возражения. Мужчина поднял руку и сказал:

– Я – инспектор Управления экономического развития и выполняю указания руководства. Попрошу приглашенных оставаться на местах, а остальные пусть выйдут как можно скорее.

– Смотри-ка, – сказал Лусио Норе, – вся улица оцеплена полицейскими. Как будто усмирять пришли.

Персонал «Лондона», удивленный не меньше посетителей, не успевал рассчитать всех разом, возникли сложности

со сдачей, кто-то возвращал несъеденные пирожные – словом, неразбериха. За столиком Мохнатого слышались рыдания. Сеньора Пресутти и мать Нелли надрывно прощались с родственниками, остававшимися на суше. Нелли утешала мать и будущую свекровь, Мохнатый снова заключил в объятия Умберто Роланда, и вся компания дружно хлопала друга друга по спине.

– Счастливого пути! Счастливого пути! – кричали приятели. – Пиши, Мохнатый!

– Я тебе пришлю открытку, старик!

– Не забывай друзей, че!

– Не забуду! Счастливо оставаться, че!

– Да здравствует «Бока»! – прокричал Русито, с вызовом поглядывая на другие столики.

Двое сеньоров патрицианского вида, приблизившись к инспектору Управления экономического развития, смотрели на него так, будто он с луны свалился.

– Вы можете выполнять любые указания, – сказал один из них, – но лично я в жизни не видел подобного произвола.

– Проходите, проходите, – сказал инспектор, не глядя на них.

– Я – доктор Ластра, – сказал доктор Ластра, – и не хуже вас знаю мои права и обязанности. Мы находимся в общественном заведении, и никто не может заставить меня покинуть это кафе без письменного распоряжения.

Инспектор достал бумагу и показал доктору.

– Ну и что? – сказал другой. – Всего-навсего легализованный произвол. Разве у нас введено чрезвычайное положение?

– Заявите свой протест надлежащим образом, – сказал инспектор. – Че Виньяс, выведи вот тех сеньор из зала. А то они будут тут пудриться до утра.

На Авениде масса людей хотела пройти через ограждение, посмотреть, что происходит, и движение по улице в конце концов застопорилось. Посетители с недоуменными и возмущенными лицами выходили из кафе на Флориду, где скопление народа было меньше. Служащий по имени Виньяс и инспектор обошли столики, прося показать приглашения и указать сопровождающих. Полицейский, прислонясь к стойке, разговаривал с официантами и кассиром, которым велено было не двигаться с места. В почти опустевшем «Лондоне» воцарилась обстановка, какая бывала тут в восемь утра, чему странно не соответствовал вид и шум ночного города за окнами.

– Так, – сказал инспектор. – Можете опускать металлические шторы.

В

В силу каких причин именно такой должна быть паутина или картина Пикассо, другими словами, почему картина не объясняет сущности паутины, а паутина не долж-

на определять сути картины? Что значит быть таким? Какой увидится мельчайшая частица мела, зависит от облака, которое в этот момент будет проплывать за окном, или от того, что именно ожидает увидеть наблюдающий. Вещи приобретают особый вес, когда на них смотрят, восемь плюс восемь суть шестнадцать плюс тот, кто ведет счет. В таком случае быть таким может означать не совсем таким, или лишь видеться таким, или даже быть обманно таким. Иными словами, совокупность людей, собирающихся в плавание, совершенно не обязательно отплывет, если допустить, что обстоятельства могут измениться и плавание не состоится или обстоятельства могут не измениться и плавание состоится, в таком случае паутина, или картина Пикассо, или совокупность отплывающих людей кристаллизуются, и это, последнее, будет уже не просто сообществом людей, собирающихся в плавание. Во всех этих случаях столь же пустая, сколь и грустная попытка захотеть, чтобы что-то в конце концов стало и образовалось, приведет к тому, что от столика к столику в «Лондоне» побегут неуловимые капельки ртути, – чудо, привет из детства.

Что приближает к сути вещей, что вводит в суть, что направляет к цели? Обратная сторона вещи, тайна, которая заставила ее (да, все-таки заставила, пожалуй, нельзя сказать «которая ее привела к этому»), заставила быть именно такой. Любой историк, проходя по галерее форм, вы-

ставленных Гансом Арпом¹¹, не может перевернуть их и вынужден созерцать по обе стороны галереи их лицевую сторону, вынужден созерцать формы Ганса Арпа как вывешенные на стенах полотна. Историк прекрасно знает причины битвы при Заме, наверняка знает их, но причины, которые ему известны, вроде форм Ганса Арпа, выставленных в галереях, а причины этих причин или следствия причин этих причин блистательно освещены лишь с лицевой стороны как формы Ганса Арпа в любой галерее. А значит, то, что приближает к каждой вещи, ее обратная сторона, возможно – зеленая или мягкая, – обратная сторона следствий и обратная сторона причин, иная оптика и иное осязание могли бы, может быть, потихоньку распустишь тесемки маски – голубые или розовые, – и открыть лицо, дату и обстоятельства, заключенные в этой галерее (блистательно освещенной), и – при наличии малой толики терпения – впустить в святая святых высокой поэзии.

В таком случае, пока услужливая аналогия не привнесла в настоящее, где мы находимся и где будем находиться, свои яркие варианты, можно было бы вообразить, что «Лондон» – это плоскость, на которой на десятиметровой высоте установлена здоровенная шахматная доска с небрежно расставленными по клеткам фигурами, где нарушена гармония черно-белого поля и установленные правила игры и где в двадцати сантиметрах может оказаться румяное лицо

¹¹ Ганс Арп (1886–1966) – французский живописец, скульптор, график, поэт.

Атилио Пресутти, а в трех миллиметрах – сверкающая никелированная поверхность (пуговица, зеркальце), а в пятидесяти метрах – гитарист, нарисованный Пикассо в 1918 году с Аполлинера. Если расстояние, которое делает вещь тем, чем она является, измеряется нашей уверенностью в том, что мы знаем, что эта вещь собой представляет, не стоило бы и продолжать эту писанину, радостно плести затейливую нить повествования. И менее того стоило бы верить в объяснение причин, следствием которых стало данное собрание, четко определенное в письменных приглашениях на официальном бланке с подписью. Развитие во времени (неизбежный ракурс, искажающая причинность) воспринимается вследствие обедняющего представления элеатов лишь как распределение времени по клеточкам прошлого, настоящего и будущего, иногда прикрытого галлийским пониманием длительности или вневременным туманно-гипнотическим обоснованием. Истинная суть происходящего в данный момент (полиция опустила металлические жалюзи) отражает и расчленяет время на бесчисленные грани и отрезки; некоторые из них, наверное, можно было бы снова спаять в прозрачный луч, возвратиться назад, и тогда в жизнь Паулы Лавалье возвратился бы сад в Акасуссо, а Габриэль Медрано снова приоткрыл бы витражную дверь своего детства в Ломас-де-Самора. Только и всего, а это меньше, чем ничто в сельве из листочков бумаги, ставших причиной этого собрания. Вся история мира отсвечивает в каж-

дой медной пуговице на униформе каждого стража порядка, разгоняющего скопление народа. И в тот миг, когда интерес сосредотачивается на этой самой пуговице (второй сверху от ворота), все взаимосвязи, которые заставляют это быть таким, какое оно есть, как бы засасываются в воронку ужаса от безмерности пространства, пред лицом которого бессмысленно даже пасть ниц. Вихрь, который с каждой пуговицы угрожает засосать в себя каждого, кто заглянул в него, если только он отважится на что-то большее, нежели просто заглянуть, есмь изнуряющая смертельная игра заглядывающих друг в друга зеркал, которые уводят вспять, от следствий к причинам. Когда скверный читатель романа требует настойчиво правдоподобия, он уподобляется кретину, который на двадцатый день плавания на борту теплохода «Клод Бернар» вопрошает, указывая на нос судна: «C'est-par-la'-qu'on-va-en-avant?»¹²

XII

Когда они вышли, почти стемнело, красноватые облака жары распластались над центром города. Инспектор дал ответственное поручение двум полицейским – помочь шоферу доставить дону Гало к автобусу, ожидавшему поодаль, у здания муниципалитета. Немалое расстояние и перекресток на пути страшно осложнили перемещение дона Гало, так

¹² Этим самым местом мы идем вперед (фр.).

что еще одному полицейскому пришлось перекрыть движение на углу улицы Боливара. Вопреки ожиданиям Медрано и Лопеса, зевак на улице собралось немного; кинув взгляд в сторону «Лондона» с опущенными металлическими шторами, где разворачивался странный спектакль, прохожие, обменявшись парой замечаний, шли своей дорогой.

– Какого черта не подогнали автобус к кафе? – спросил Рауль полицейского.

– Не было приказа, сеньор, – ответил полицейский.

Между тем участники странного спектакля, успев уже – благодаря любезному инспектору – немного познакомиться друг с другом, продолжали, немного взволнованные и в то же время заинтересованные разворотом событий, знакомиться и теперь, сбившись в плотную толпу, кортежем следовали за доном Гало, катившим в кресле на колесах. Автобус, по-видимому, принадлежал военным, хотя на его сверкающей черной поверхности не было никаких обозначений. Окошки были узенькими; водворить дона Гало оказалось необыкновенно сложно; произошло всеобщее замешательство, все от чистого сердца хотели помочь, особенно Мохнатый: встав на подножку, он отдавал молчаливому шоферу распоряжения, противоречащие друг другу. Как только дон Гало водрузили на переднее сиденье, а его стул в руках шофера сложился, как гигантский аккордеон, остальные поднялись в автобус и стали в полутьме, почти на ощупь, рассаживаться. Луцио с Норой, которые шли к автобусу под руку, тесно при-

жавшись друг к другу, искали место в глубине салона и затихли там, с опаской поглядывая на других пассажиров и на рассеявшихся по улице полицейских. Медрано и Лопес уже разговаривали с Раулем и Паулой, а доктор Рестелли обменивался скупыми замечаниями с Персио. Клаудиа с Хорхе забавлялись происходившим, каждый на свой лад; остальные же громко и увлеченно переговаривались, не слишком обращая внимание на то, что происходило вокруг.

Металлический грохот жалюзи, которые служащие «Лондона» снова подняли, прозвучал для Лопеса заключительным аккордом, завершавшим что-то, что решительно оставалось позади. Медрано же закурил новую сигарету и устоял на темные неразборчивые столбцы «Ла Пренсы». Автобус просигналил и медленно тронулся с места. Компания Мохнатого загрустила и пришла к выводу, что расставания всегда причиняют страдания, потому что одни уезжают, а другие-то остаются, но куда хватит здоровья, так будет всегда, путешествия одним будут доставлять радость, а другим – огорчение, потому что одни отправляются путешествовать, а другие – не надо этого забывать – остаются. Мир скверно устроен, куда ни посмотри, везде одно и то же: кому-то – все, а кому-то – ничего.

– Что вы скажете о речи инспектора? – спросил Медрано.

– Знаете, со мной уже много раз такое бывало, – сказал Лопес. – Пока он говорил, его объяснения казались мне вполне приемлемыми, и я даже почувствовал себя вполне

комфортно. А вот теперь они представляются мне уже не столь убедительными.

– Заметьте: масса забавных деталей, – сказал Медрано. – Насколько проще им было бы собрать нас на таможне или на пристани, вам не кажется? Как будто не желают лишиться тайного удовольствия кого-то, кто наблюдает за нами из окна муниципалитета. Как в шахматах, когда ради чистого удовольствия игру специально усложняют.

– Иногда это делается, чтобы скрыть замысел. Такое ощущение, будто что-то не получилось и хотят это скрыть, или вот-вот отменят плавание, или просто-напросто не знают, что с нами делать.

– Было бы жаль, – сказал Медрано, вспомнив Беттину. – Не хотелось бы в последний момент остаться ни с чем.

Низом, где было уже совсем темно, они подъезжали к северной гавани. Инспектор взял микрофон и обратился к пассажирам с видом завязанного экскурсовода. Рауль и Паула, сидевшие впереди, обратили внимание, что водитель специально ехал очень медленно, давая возможность инспектору говорить и говорить.

– Ты, конечно, заметила, – сказал Рауль Пауле на ухо. – Довольно широко представлены все слои общества. С их излишествами и нехватками в самых ярких проявлениях... Мы-то с тобой какого черта тут делаем.

– По-моему, будет очень интересно, – сказала Паула. – Послушай лучше, что говорит наш Виргилий. Слово «сложно-

сти» не сходит у него с языка.

– За десять песо, в которые нам обошелся лотерейный билет, – сказал Рауль, – претендовать на полную безоблачность, по-моему, не приходится. Как тебе эта женщина – мать с сыном? Мне нравится ее лицо, как изящно очерчены скулы и рот.

– Самый выдающийся – паралитик. Смахивает на клеща.

– А как тебе этот парень, который едет со всем семейством?

– Скорее семейство едет с парнем.

– Семейство менее выразительно, чем он, – сказал Рауль.

– Все зависит от цвета стекла, сквозь какое смотришь на мир¹³, – продекламировала Паула.

Инспектор *особо подчеркнул* необходимость во что бы то ни стало сохранять *выдержку, свойственную культурным людям*, и не волноваться в случае незначительных накладок или осложнений (снова – *осложнений*) технического характера.

– Но ведь все – прекрасно, – обратился доктор Рестелли к Персио. – Все замечательно, как вы считаете?

– Я бы сказал, несколько суматошно.

– Ничего подобного. Я полагаю, у руководства были свои причины, чтобы организовать все именно таким образом. Лично я, возможно, кое-что сделал бы иначе, не скрою, осо-

¹³ В этом предательском мире, который неверен и сир, / Все зависит от цвета стекла, сквозь какое смотришь на мир (*исп. Рамон де Кампоамор*).

бенно это касается списка пассажиров, далеко не все присутствующие соответствуют должному уровню. Вот, например, молодой человек, видите, он сидит по другую сторону прохода...

– Мы не успели познакомиться, – сказал Персио. – А может, и вообще не узнаем друг друга.

– Вы, возможно, с такими не сталкивались. Но я, как преподаватель, по роду занятий...

– Хорошо, – сказал Персио, сопроводив это величественным жестом руки. – Во время кораблекрушений, случалось, самые отпетые негодяи вели себя замечательно. Знаете, что произошло, когда тонул «Андреа Дориа».

– Не помню, – сказал доктор Рестелли, несколько уязвленный.

– Там был случай: монах спас матроса. Так что видите, ничего нельзя знать заранее. У вас не вызывает беспокойство то, что говорит инспектор?

– А он все еще говорит? Может, надо его послушать?

– Плохо, что он все время повторяется, – сказал Персио. – А мы уже подъехали к причалу.

Хорхе вдруг заинтересовался судьбой резинового мяча и бильбоке с позолоченными заклепками. В каком они бауле? А роман Дэви Кроккета где?

– В каюте все отыщем, – сказала Клаудиа.

– Вот здорово, каюта на двоих. Мама, тебя укачивает?

– Нет. Почти никого не укачает, разве только Персио и,

может быть, кого-то из этих сеньор и сеньорит, которые сидели за столиком, где пели танго. Ничего не поделаешь.

Фелипе Трехо перебирал в уме названия портов, где предстояли стоянки («если только непреодолимые осложнения не вынудят в последний момент внести изменения», сказал инспектор). Сеньор и сеньора Трехо смотрели в окошко, провожая каждый уличный фонарь таким взглядом, словно никогда его больше не увидят и эта потеря чрезвычайно их удручает.

– Всегда грустно покидать родину, – сказал сеньор Трехо.

– А что такого? – сказала Беба. – Мы же вернемся.

– Конечно, дорогая, – сказала сеньора Трехо. – Всегда возвращаешься в уголок, где ты увидел свет, как говорится в стихах.

Фелипе перебирал названия, как диковинные плоды, смаковал их во рту, прикусывал: Рио, Дакар, Кейптаун, Йокогама. «Из нашей компании никто не увидит столько за раз, – подумал он. – Буду посылать им открытки с видами...» Он закрыл глаза, вытянул ноги. Инспектор говорил что-то о необходимости непременно соблюдать некоторые предосторожности.

– Должен обратить ваше внимание на необходимость непременно соблюдать некоторые предосторожности, – сказал инспектор. – Руководство тщательно продумало все детали предстоящего путешествия, однако ввиду возникших в последний момент сложностей, возможно, придется внести

некоторые изменения.

Инспектор сделал паузу, водитель заглушил мотор, и неожиданно для всех в мертвой тишине раздался клекот дон Гало:

– А на каком пароходе мы плывем? Мы до сих пор не знаем, на каком пароходе плывем...

XIII

«Вот он, вопрос, – подумала Паула. – Тот злополучный вопрос, от которого вся игра может пойти насмарку. Сейчас скажут: «На...»

– Сеньор Порриньо, – сказал инспектор, – пароход как раз и есть одно из осложнений технического порядка, которые я имел в виду. Час назад, когда я имел удовольствие присоединиться к вам, руководство пришло к соглашению по этому вопросу, однако же могли возникнуть и непредвиденные изменения, в результате которых дело может принять несколько иной оборот. Я полагаю, что нам следует подождать несколько минут и ситуация окончательно прояснится.

– Отдельная каюта, – коротко бросил дон Гало. – С отдельной ванной. Как было договорено.

– Договорено, – любезно сказал инспектор, – не совсем точное слово, однако не думаю, сеньор Порриньо, что в этом плане будут какие-либо сложности.

«Нет, не как во сне, это было бы слишком просто, – подумала Паула. – Рауль сказал бы, что это скорее похоже на рисунок, рисунок...»

– Рисунок – какой? – спросила она.

– Что значит – какой рисунок? – сказал Рауль.

– Ты сказал бы, что все это скорее похоже на рисунок...

– Анаморфный, дурочка. Ну да, немного похоже. Одним словом, неизвестно даже, на какой пароход нас сунут.

Они расхохотались, потому что обоим им это было совершенно безразлично. Не то что доктору Рестелли, чья твердая вера в незыблемость государственного порядка была поколеблена впервые в жизни. У Лопеса и у Медрано выступление дона Гало пробудило желание выкурить еще по одной сигарете. Их тоже все это чрезвычайно забавляло.

– Похоже на поезд-призрак, – сказал Хорхе, прекрасно разобравшийся в происходившем, – садись в него, и с тобой начинают происходить странные вещи: то мохнатый паук ползет по лицу, то скелеты пляшут...

– Мы всю жизнь жалуемся, что не происходит ничего интересного, – сказала Клаудиа. – И когда наконец происходит (а интересным может быть только подобное этому), большинство начинает испытывать беспокойство. Не знаю, как вам, а лично мне поезда-призраки кажутся гораздо более забавными, чем Генеральная железнодорожная компания «Рока».

– Разумеется, – сказал Медрано. – По сути, дон Гало и

некоторых других беспокоит то, что наше будущее находится в несколько подвешенном состоянии. Поэтому они волнуются и спрашивают, как называется пароход. А, собственно, что такое название? Разве оно является гарантией того, что мы все еще называем «завтра», это чудище с занавешенным лицом, ни в какую не желающее открыть лицо и подчиниться.

– А между тем, – сказал Лопес, – впереди начинают вырисовываться роковые силуэты – небольшой военный корабль и светлоокрашенный сухогруз. Скорее всего, шведский, у их судов лица всегда чистые.

– Очень кстати заговорили о нашем неопределенном будущем, – сказала Клаудиа. – Но вся эта затея – приключение, пусть обыденное, но приключение, а в любом приключении будущее – самая большая ценность. Если мы находим в этой затее особый вкус, то потому, что приправой тут служит будущее, прошу прощения за кулинарную метафору.

– Дело в том, что не все любят острые соусы, – сказал Медрано. – Есть, по-видимому, два совершенно противоположных способа усилить вкус настоящего. В данном случае некое Руководство решает устранить всякое конкретное упоминание будущего и создает тайну с отрицательным знаком. Разумеется, люди предусмотрительные пугаются. А лично моим ощущениям это абсурдное настоящее придает остроту, я наслаждаюсь каждой минутой.

– И я тоже, – сказала Клаудиа. – Отчасти потому, что не

верю в будущее. От нас скрывают всего лишь причины настоящего. Возможно, они и не догадываются, сколько магии для нас в их бюрократических тайнах.

– Конечно, не догадываются, – сказал Лопес. – Магия, да... Скорее всего, тут, как всегда, невероятное переплетение интересов, причин, сложных чиновничьих взаимоотношений.

– Не важно, – сказала Клаудиа. – Коль скоро это доставляет нам такое удовольствие.

Автобус уже остановился около складов таможни. Порт тонул в темноте, редкие фонари и сигареты офицеров полиции, стоявших у отворенной двери, много света не давали. На расстоянии нескольких метров ничего не было видно, и густой запах летнего порта сразу же прилипал к лицам выходящих из автобуса людей, затушевывая на них выражение растерянности или радости. Дона Гало водрузили в кресло, и шофер покатил его ко входу, где уже стоял и распоряжался инспектор. «Не случайно, – подумалось Раулю, – все идут, сбившись в кучку. Словно боятся отбиться».

Один из офицеров выступил вперед – сама любезность.

– Добрый вечер, сеньоры.

Инспектор достал из кармана бумаги и передал офицеру. Сверкнул луч электрического фонарика, где-то просигналил автомобиль, кто-то, невидимый, закашлял.

– Сюда, пожалуйста, будьте любезны, – сказал офицер.

Желтый глаз фонарика пополз по бетонному полу, усе-

янному соломенной трухой, металлическим мусором, мятой бумагой. Тихие разговоры гулко зазвучали в огромном пустом бараке. Желтый глаз высветил длинную таможенную стойку и застыл, указывая путь осторожно приближавшейся кучке людей. Слышно было, как Мохнатый сказал: «Ну и навороты, точь-в-точь как у Бориса Карлофа». Фелипе Трехо закурил сигарету (мать ошеломленно уставилась на сына, первый раз курившего в ее присутствии), и огонек спички на мгновение неверным светом осветил всю сцену – вереницу растерянных людей, направлявшихся в глубь помещения к дверному проему, за которым темным светом светила ночь. Нора, повиснув на руке Лусио, зажмурилась и не желала открывать глаз, пока они не окажутся за дверью, под открытым небом без звезд, на свежем воздухе. Они первые увидели пароход, и когда взволнованная Нора обернулась, чтобы сообщить об этом остальным, полицейские с инспектором уже окружили процессию, фонарик был погашен, и только тусклый свет уличного фонаря освещал край деревянного трапа. Инспектор отрывисто похлопал в ладоши, и из нутра пакгауза, неловкой насмешкой, донеслись еще более отрывистые и механические хлопки.

– Я благодарю вас за проявленный дух сотрудничества, – сказал инспектор. – Мне остается лишь пожелать вам счастливого плавания. Судовые офицеры займутся вами и проводят в каюты. Пароход отчалит через час.

Медрано вдруг показалось, что слишком долго они, при-

крываясь иронией, оставались пассивными, и он выступил вперед. Как всегда в подобных случаях, ему стало смешно, но он сдержался. И как всегда, он испытал глухое удовольствие, со стороны наблюдая себя самого в момент, когда собирался совершить поступок.

– Скажите, инспектор, уже известно, как называется судно?

Инспектор утвердительно наклонил голову. Даже в темноте ясно была различима плешь, обрамленная венчиком волос.

– Да, сеньор. Офицер только что сообщил мне, а ему позвонили из центра и сказали, куда нас вести. Судно называется «Малькольм» и принадлежит компании «Маджента Стар».

– Грузовое, судя по очертаниям, – сказал Лопес.

– Грузопассажирское, сеньор. К тому же – из лучших, поверьте. Превосходно оборудованное, готовое принять на борт небольшую группу избранных пассажиров, каковыми вы и являетесь. У меня есть опыт в этой области, хотя я и служил главным образом в налоговых учреждениях.

– Вам будет там прекрасно, – сказал полицейский офицер. – Я поднимался на судно и заверяю вас, это так. Была забинка, команда бастовала, но теперь все улажено. Вы же знаете, как разлагают коммунистические идеи, раз от разу служащие разбалтываются, но, к счастью, мы живем в стране, где есть порядок и власть. И в конце концов даже самые

отпетые иностранцы берутся за ум и кончают дурить.

— Поднимайтесь на борт, сеньоры, пожалуйста, поднимайтесь, — сказал инспектор, отступая в сторону. — Очень приятно было познакомиться, и сожалею, что мне не посчастливилось отправиться с вами в плавание.

И он хихикнул, как показалось Медрано — делано. Все столпились у трапа, кто-то прощался с инспектором и офицерами, а Мохнатый снова принялся помогать переносить дона Гало, который, похоже, задремал. Женщины с опаской цеплялись за перила, остальные поднялись быстро и молча. Когда Рауль, уже на нижней палубе, вздумал оглянуться, то увидел в густой тени инспектора и офицеров, они тихо о чем-то разговаривали. И, как все это время, все приглушенно — и свет, и голоса, и даже плеск речной волны о корпус судна и о причал. Да и на капитанском мостике «Малькольма» было не особенно светло.

С

Сейчас Персио снова примется думать, фехтовать мыслью, как коротким сухим прутком, сосредотачиваясь на добравшейся уже до каюты глухой дрожи: как будто на ворохе фетровых обрезков идет борьба или кавалькада проносится по роце пробковых дубов. Неизвестно, в какой момент огромный лангуст двинул главный шатун, и маховик, в котором долгие дни дремала скорость, раздраженно вы-

прямился, протирая глаза, и стал расправлять свои крылья, хвост, фаланги, готовясь атаковать воздушные и водные просторы, хрипло взрывать сиреной, отозваться чутким нактоузом. Даже не выходя из каюты, Персио уже знает, что представляет собой судно, и находит свое место на нем в этот азимутальный момент, когда два грязных упорных буксира начнут метр за метром тащить за собой огромную махину из меди и железа, отрывая ее от каменного берегового причала, вырывая из цепких объятий бухты. Рассеянно открывая черный баул, с восхищением оглядывая шкаф, такой вместительный, и хрустальные стаканы, благоразумно прикрепленные к стене, и письменный столик с пачкой бумаг в папке из светлой кожи, он чувствует себя как бы сердцем этого судна, сердцевиной, куда доходит все учащающееся и становящееся все более ровным биение. И Персио уже видит судно как капитан, стоящий на капитанском мостике, в центральное смотровое окно, откуда виден весь нос с передними мачтами и острый угол, вспенивающий глади вод. Интересно, что нос судна видится ему так, как если бы он снял со стены картину, на которой тот нарисован, и держал бы ее на ладонях, горизонтально, так что линии и объемы ее верхней части, удаляясь от глаза, уменьшались бы, и все пропорции, задуманные художником в вертикальном плане, изменились бы, и возник иной порядок, тоже возможный и приемлемый. Но главное, что видит Персио с капитанского мостика (но находясь в

каюте, а представляется ему все это словно во сне или на экране радара) главное, что он видит, – это зеленоватая темень с желтыми огнями на правом и левом борту и белый прожектор на призрачном бушприте (невероятно, чтобы на «Малькольме», современной судне, гордости компании «Маджента Стар», был бушприт). В смотровое окно, закрытое толстым, фиолетового оттенка стеклом, защищающим от речных ветров (вокруг будет одна глинистая вода, грязная вода реки Ла-Платы, Серебряной реки, ну и названьице, а в ней – рыбы багре, а может, и дорады, золотистые дорады в серебряной реке Ла-Плате, совсем неподходящее ювелирное сочетание, дурной вкус), Персио начинает угадывать очертания носа и палубы и видит их все яснее, и ему вспоминается что-то, например картина художника-кубиста, но, разумеется, снова так, будто он держит ее на ладонях, и нарисованное в нижней ее части представляется более близким, а в верхней – более далеким. Словом, Персио видит по правому и по левому борту необычные формы, а дальше – неясные тени, возможно голубоватые, как на картине Пикассо, изображающей гитариста, и в центре – две мачты и бухты канатов (грязная и прозаическая, но неизбежная деталь), которые, вызывая в памяти картину, представляются двумя кругами, один – черный, а другой – светло-зеленый, и двумя черными полосами, образующими голосник гитары, если бы, конечно, можно было на картину, лежащую на ладонях, поместить две мачты и изобразить

нос судна, «Малькольма», отплывающего из Буэнос-Айреса, – нечто мерцающее, подрагивающее и временами поскрипывающее на затянутой маслянистой пленкой поверхности реки-сковороды.

И снова Персио будет думать и думать, только в отличие от обычного будет осмысливать не несообразность конкретных окружающих его предметов, желтых и белых огней, мачт и бакенов, но несообразность гораздо большую, раскинет в стороны руки-мысли и отринет все – до самого дна реки, – все удушающие привычные формы: каюта-переборка-трюм-поражение-завтра-плавание. Персио не считает, что происходящее рационально: он не хочет, чтобы оно было таким. Оно ему видится речной мозаикой, все, начиная лицом Клаудии и кончая ботинками Атилио Пресутти или стюардом, который рыщет (возможно) неподалеку от его каюты, мозаикой, которая может сложиться в общую картину. И снова у Персио возникает ощущение, что в этот исполненный тайны час, этой ночью, закладывается основание того, что пассажиры называют «завтра». Его единственное и страстное желание – иметь возможность великого выбора, чем руководствоваться: звездами, компасом, кибернетикой, случайностью, логическими принципами, смутными резонами, рисунком деревянного пола, состоянием желчного пузыря, требованиями секса или характера, предчувствиями, христианскими догматами, положениями Зенд-Авесты, сладким десертом, расписанием

португальских железных дорог, сонетом, еженедельником «Семана финансьера», формой подбородка дона Гало Порриньо, папской буллой, каббалой, некромантией, романом «Здравствуй, грусть» или просто вести себя как положено пассажиру на пароходе и соблюдать жизнеутверждающие инструкции, содержащиеся в любой упаковке таблеток «Вальда».

Персио в ужасе отступает перед возможностью рискнуть и в какой бы то ни было форме воздействовать на действительность, его вечная нерешительность сродни нерешительности хромофильного насекомого, которое ползет по многоцветной картине и понятия не имеет о способностях хамелеона. Насекомое, привлеченное синим, поползет вперед, в обход центральных элементов гитары, где господствуют грязно-желтые и оливково-зеленые тона, задержится на краю, словно плывя рядом с судном, и, добравшись до центрального отверстия по мостику штирборта, войдет в зону синего, пересеченную широкими зелеными полосами. Его нерешительность, его поиски переходного мостика в другую область синего сравнимы с колебаниями Персио, постоянно опасющегося нарушить тайные запреты. Персио завидует тем, кто проблеме свободы решает эгоцентрически, потому что для него самого простое действие, заключающееся в том, чтобы открыть дверь каюты, включает его действие и дверь каюты, спаянные в той мере, в какой действие открывания двери содержит конечную цель, кото-

рая может оказаться ошибочной, и повредить звено в цепи порядка, смысл которого он не постиг должным образом. Выражаясь яснее, Персио есть то самое хромофильное и одновременно слепое насекомое, и необходимость или императив, заключающийся в том, чтобы пройти только по синим пятнам картины, связаны с постоянной и ненавистной нерешительностью. Персио находит наслаждение в этих сомнениях, которые он называет искусством или поэзией, и считает, что его долг – рассматривать каждую ситуацию с максимально возможной свободой, и не только ситуацию как таковую, но и все ее воображимые ипостаси, начиная ее словесным выражением, в которое он питает, возможно, наивную веру, до всяческих ее проекций, которые он называет магическими или диалектическими, в зависимости от того, на чем они замешены – на неясных ощущениях или на функции печени.

Возможно, мягкое покачивание «Малькольма» и накопившаяся за день усталость в конце концов сразят Персио и он с наслаждением заснет на превосходной кедровой кровати и доставит себе удовольствие, разглядывая и пробуя в действии разнообразные механические и электрические приспособления, припасенные для вящего удобства уважаемых пассажиров. Но пока что ему пришло в голову воспользоваться свободой выбора, предварительного, в порядке эксперимента, выбора, который забрезжил перед ним за несколько секунд до того, как он решил сформулировать пробле-

му. Без сомнения, Персио сейчас достанет из портфеля карандаши, бумагу, железнодорожный справочник и надолго засядет за работу, позабыв и про пароход, и про плавание, именно потому, что надо выйти за пределы кажимости и войти в область возможной или постижимой реальности, в то время как все остальные на борту парохода, должно быть, уже приняли эту кажимость, определив и обозначив ее как необычайную и ирреальную, – ну что ж, таковы мерки тех, кто, расквасив нос, свято верит, что это всего-навсего аллергический насморк.

XIV

– *Eksta vorbeden? You two married? Etes vous ensemble?*¹⁴

– *Ensemble plutot que maries*, – сказал Пауль. – *Tenez, voici nos passeports*¹⁵.

Офицер был низенького роста и со скользкими повадками. Он вычеркнул имена Паулы и Пауля и знаком подозвал краснолицего матроса.

– Он проводит вас в каюту, – сказал он и поклонился, прежде чем заняться следующим пассажиром.

Уходя вслед за матросом, они слышали, как все семейство Трехо заговорило хором. Пауле сразу понравилось, как пахло на пароходе и как переборки скрадывали звуки. Труд-

¹⁴ Вы муж и жена? (англ.) Вы вместе? (фр.)

¹⁵ Скорее вместе, чем муж и жена. Вот наши паспорта (фр.).

но было представить, что всего в нескольких метрах остался грязный причал и что инспектор с полицейскими, наверное, еще не ушли.

– А за бортом начинается Буэнос-Айрес, – сказала она. – Тебе не кажется это невероятным?

– Невероятным мне кажется и то, что ты говоришь «начинается». Быстро ты обывкаешься в новой ситуации. Для меня в порту город кончается. А на этот раз – больше, чем когда бы то ни было, но всякий раз, поднимаясь на пароход, я ощущал это.

– Начинается, – повторила Паула. – Ничто не кончается так просто. Ужасно нравится мне запах этого дезинфицирующего средства – пахнет лавандой, смертью мухам, войной моли. Девчонкой я обожала засунуть голову в шкаф тети Кармелы; все черным-черно, таинственно, а запах – похожий на этот.

– *This way, please*¹⁶, – сказал матрос.

Он открыл каюту, зажег свет и вручил им ключ. И ушел, прежде чем они успели дать ему на чай или сказать спасибо.

– Как мило, действительно мило, – сказала Паула. – И уютно.

– Теперь уже трудно поверить, что совсем рядом – портовые пакгаузы, – сказал Рауль, пересчитывая сложенные на ковре чемоданы. Ни один не потерялся, и они принялись развешивать одежду и раскладывать по местам вещи, и некото-

¹⁶ Сюда, пожалуйста (англ.).

рые – довольно изысканные. Паула выбрала кровать в глубине каюты, под иллюминатором. Села, с довольным вздохом откинувшись на спинку, и стала смотреть, как Рауль, закулив трубку, заканчивал раскладывать зубные щетки, зубную пасту, книги и пачки табака. Интересно будет смотреть на Рауля, лежащего на другой кровати. Первый раз они будут спать в одной комнате после стольких встреч в гостиных, салонах, на улицах, в кафе, поездах, автомобилях, на пляжах и в рощах. Первый раз она увидит его в пижаме (которая уже разложена на постели). Она попросила у него сигарету, и он дал сигарету и поднес огонь, сидя рядом и глядя на нее с интересом и чуть насмешливо.

– *Pas mal, bien?*¹⁷ – сказал Рауль.

– *Pas mal du tout, mon choux*¹⁸, – сказала Паула.

– Ты очень хороша вот такая, расслабленная.

– Назло тебе, – сказала Паула, и оба рассмеялись.

– А может, выйдем осмотримся?

– Хм. Я бы лучше осталась тут. А то с мостика увидим огни Буэнос-Айреса, как в фильме Гарделя.

– А что ты имеешь против огней Буэнос-Айреса? – сказал Рауль. – Я пойду.

– Хорошо. А я немножко приведу в порядок этот роскошный бордель, потому что порядок по-твоему... До чего красивая каюта, я и не думала, что нам отвоят такую роскошь.

¹⁷ Недурно, правда?

¹⁸ Совсем недурно, дорогой (*фр.*).

– К счастью, она совершенно не похожа на каюты первого класса на итальянских пароходах. Достоинство этого грузового парохода в его строгом стиле. Дуб и ясень – традиционный протестантский вкус.

– Еще не доказано, что судно протестантское, однако ты, пожалуй, прав. Мне нравится запах твоей трубки.

– Берегись, – сказал Рауль.

– Чего я должна беречься?

– Не знаю, наверное, запаха трубки.

– Я вижу, молодой человек желает изъясняться загадками?

– Молодой человек желает до конца разобраться со своими вещами, – сказал Рауль. – А то оставлю тебя наедине со своими вещами, а потом в своих платках найду твой *soutien-gorge*¹⁹.

Он отошел к столу и занялся книгами и тетрадями. Проверил освещение и все его возможности. С удовольствием обнаружил, что лампы над изголовьем поворачивались во все стороны и под любым углом.

Умные шведы, если они шведы. Чтение – одна из радостей путешествия, читать, лежа в постели, и ни о чем не заботиться.

– А в это время, – сказала Паула, – мой нежный братец Родольфо в семейном кругу, должно быть, сетует на мое беспутное поведение. Девочка из приличной семьи отправляет-

¹⁹ Бюстгальтер (*фр.*).

ся путешествовать в неизвестном направлении. И отказывается сообщить время отправления, дабы избежать проводов.

– Интересно, что бы твой брат подумал, узнай он, что ты отплываешь в одной каюте с неким архитектором.

– Который носит синие пижамы и томится несбыточным желанием и еще более сомнительными мечтаниями, бедный ангел.

– Не всегда несбыточными и не всегда тоскливыми, – сказал Рауль. – Знаешь, морской йодистый воздух, как правило, приносит мне счастье. Недолговечное, мимолетное, точно птицы, которые – ты увидишь их – некоторое время следуют за судном, иногда целый день, но в конце концов все равно пропадают. Не важно, что счастье длится недолго, Паулиита; переход счастья в привычку – одно из самых сильных орудий смерти.

– Мой братец тебе не поверил бы, – сказала Паула. – Мой братец на полном серьезе решил бы, что я могу стать жертвой твоих плотских притязаний. Мой братец...

– Мало ли что может случиться, – сказал Рауль, – мало ли какой привидится мираж и как можно ошибиться в темноте, мало ли что пригрезится наяву и как повлияет морской воздух, ты на всякий случай будь осторожна и не раскрывайся чересчур. Женщина, до подбородка закрытая простыней, гарантирована от пожара.

– Сдается мне, – сказала Паула, – что, если ты поддашься миражу, придется встретить тебя вот этим томиком отто-

ченных сонетов Шекспира.

– У сонетов Шекспира может оказаться самое неожиданное предназначение, – сказал Рауль, открывая дверь. И в дверном проеме возник Карлос Лопес в профиль, в этот момент поднявший правую ногу, чтобы сделать следующий шаг. Он возник так неожиданно, что напомнил Раулю игрушку – скачущую лошадку.

– Привет, – сказал Лопес, остановившись как вкопанный. – У вас хорошая каюта?

– Очень хорошая. Поглядите.

Лопес поглядел и захлопал глазами, увидев в глубине каюты Паулу, лежавшую на постели.

– Привет, – сказала Паула. – Входите, если найдете место, куда поставить ногу.

Лопес сказал, что каюта очень похожа на его собственную, кроме размера. И сообщил, что, выходя из своей каюты, столкнулся с сеньорой Пресутти, которая явила ему свой зеленый, почти трупного оттенка лик.

– Уже укачало? – сказал Рауль. – Будь осторожна, Паули-та. А что же станет с этими сеньорами, когда в поле зрения появятся бегемоты и прочие морские чудища? Не иначе как слоновая болезнь. Может, прогуляемся? Вас ведь зовут Лопес. А я – Рауль Коста, а вон та томная одалиска откликается на благородное имя Паула Лавалье.

– Не такое уж благородное, – сказала Паула. – Мое имя похоже скорее на псевдоним кинодивы или название улицы,

особенно – Лавалье. Вдоль по Лавалье²⁰. Рауль, прежде чем отправишься смотреть на реку цвета спящего льва, скажи, где моя зеленая сумка.

– Скорее всего, под красным саквояжем или же в сером бауле, – сказал Рауль. – Палитра такая богатая... Пойдемте, Лопес?

– Пойдемте, – сказал Лопес. – До свидания, сеньорита.

Паула, слухом уроженки Буэнос-Айреса, привыкшим различать множество оттенков в этом обращении, уловила особый оттенок.

– Зовите меня просто Паула, – сказала она таким тоном, чтобы Лопес понял, что она это уловила и тоже чуть-чуть его поддевает.

Рауль в дверях оглянулся и вздохнул. Он так хорошо знал голос Паулы, ее манеру говорить некоторые вещи и какой она иногда может быть.

– So soon, – сказал он как бы себе. – So, so soon²¹.

Лопес посмотрел на него. И они вышли.

Паула села на край постели. Каюта вдруг показалась ей совсем крошечной и тесной. Она поискала вентилятор и обнаружила кондиционер. Включила его, задумавшись, посидела в одном кресле, потом в другом, рассеянно перебрала

²⁰ Улица Лавалье (Лаваже) – одна из самых оживленных торговых улиц в центре Буэнос-Айреса.

²¹ Так быстро (англ.).

щетки, лежавшие на консоли. И пришла к выводу, что ей хорошо, она довольна. Следовало еще кое-что решить, чтобы окончательно утвердиться в этом. Зеркало вернуло ей улыбку, когда она обследовала ванную комнату, выкрашенную в светло-зеленый цвет, и на мгновение она взглянула с симпатией на рыжеволосую девушку с миндалевидными глазами, и та тоже одарила ее своим расположением. Она подробно осмотрела все туалетные принадлежности, подивилась новшествам, свидетельствовавшим об изобретательности «Маджента Стар». Запах хвойного мыла, которое она достала из несессера вместе с пакетиком ваты и двумя расческами, был пока еще запахом сада и не успел превратиться в воспоминание о запахе сада. А почему, собственно, ванная комната на «Малькольме» должна пахнуть садом? Приятно было держать в руке хвойное мыло, в любом непочатом куске мыла есть что-то завораживающее, эдакая нетронутость и хрупкость, повышающие его ценность. И пена у него другая, она почти не опадает, может держаться днями, а сосновая хвоя между тем окутывает ванную комнату, она в зеркале и на полочках, в волосах и на ногах той, которая вдруг надумала раздеться и встать под изумительный душ, любезно представленный ей компанией «Маджента Стар».

Не утруждая себя закрыванием дверей, Паула медленно сняла лифчик. Ей нравятся ее груди, нравится все ее тело, возникающее в зеркале. Вода оказалась такой горячей, что ей пришлось тщательно изучить сверкающий смеситель,

прежде чем вступить в почти нелепый миниатюрный бассейн и задернуть пластиковую штору, отгородившую ее от остального мира игрушечной стеной. Запах хвои мешался с влажным теплым воздухом, и Паула намыливалась обеими руками, а потом – красной резиновой губкой, неспешно распределяя мыльную пену по всему телу, и между ног, и под мышками, запечатывая ею рот, и, играючи, поддавалась едва заметному покачиванию судна, а иногда, чтобы удержаться на ногах, хваталась за краны, ласково выругавшись, что доставляло ей особое тайное удовольствие. В банном междоцарствии, не знаящем тягот одежд и покровов, обнаженная, она освобождалась от времени и обращалась в бессмертное тело (а, как знать, может, и в бессмертную душу?), отдаваясь во власть хвойного мыла и водяных струй, как всегда, как извечно, утверждая незыблемое постоянство именно игрой в перемену мест, температур и ароматов. В то мгновение, когда она завернется в желтое полотенце, висящее рядом, сразу же за пластиковой шторой-стеной, она снова возвратится в скучное существование одетой женщины, словно каждый предмет ее одежды будет привязывать ее к истории, возвращая ей один за другим годы ее жизни, витки воспоминаний и наклеивая ей на лицо будущее, точно грязевую маску. Лопес (если этот молодой человек, с виду типичный портеньо, действительно Лопес) кажется симпатичным. Жаль, что у него такое заурядное имя, разумеется, в его «до свидания, сеньорита» заключалась насмешка, но еще хуже было бы, если бы

он назвал ее «сеньорой». Кто на «Малькольме» поверит, что она не спит с Раулем. Таких вещей людям не объяснишь. Она еще раз подумала о своем братце Родольфо – судит о том, чего не понимает, ну просто доктор Кронин, и галстук в красную крапинку. «Несчастный, бедолага несчастный, никогда-то он не узнает, что значит на самом деле пасть, броситься в гущу жизни, вниз головой, как с трамплина. Так и будет плесневеть на судебных заседаниях, корчить приличную мину». Она принялась яростно расчесывать волосы, голая, перед зеркалом, окутанная парами радости, которые потихоньку всасывал маленький вентилятор на потолке.

XV

Коридор был узким. Лопес и Рауль шли наугад, пока не уперлись в наглухо задраенную дверь. С некоторым удивлением они разглядывали стальные пластины, выкрашенные в серый цвет, и автоматический запор.

– Интересно, – сказал Рауль. – Готов поклясться, что совсем недавно мы с Паулой проходили здесь беспрепятственно.

– И зубчатая передача, – сказал Лопес. – Аварийная дверь на случай пожара, что-то вроде этого. На каком языке говорят на этом судне?

Вахтенный матрос, стоявший у двери, смотрел на них с таким видом, будто не понимал или не хотел понимать. Они

жестами объяснили ему, что хотели бы пройти. Тот в ответ жестами совершенно ясно дал понять, что им следует повернуть назад. Они повиновались, снова прошли мимо каюты Рауля, и коридор вывел их к наружному трапу, спускавшемуся на носовую палубу. Из темноты слышались голоса и смех, вдали виднелся Буэнос-Айрес, словно охваченный пожаром. Осторожно обходя скамьи, бухты канатов, кабестаны, они дошли до борта.

– Интересно смотреть на город с реки, – сказал Рауль. – Увидеть его целиком, различить края. В городе ты погружен в него и не различаешь его подлинных размеров и формы.

– Да, отсюда он совсем иной, но жара нас преследует все та же, – сказал Лопес. – И запах ила, даже в закрытом помещении.

– Река всегда меня немного пугала, наверное, из-за илистого дна, такое ощущение, что грязные воды скрывают что-то в глубинах. А может, виною тому рассказы об утопленниках, в детстве они меня ужасно пугали. Однако же купаться в реке довольно приятно и ловить рыбу – тоже.

– А судно-то довольно маленькое, – сказал Лопес, начавший различать формы и размеры. – Странно, если эта железная дверь тоже окажется запертой. Похоже, здесь тоже не пройти.

Высокая переборка перегораживала палубу. За трапами, поднимавшимися к коридорам, где были расположены каюты, находились две двери, и Лопес почему-то забеспокоился,

обнаружив, что они тоже заперты. Вверху, на капитанском мостике, в широкие окна сочился фиолетовый свет. За стеклами едва различался неподвижный силуэт офицера. А еще выше лениво поворачивался свод радара.

Раулю захотелось вернуться в каюту, поговорить с Паулой. Лопес курил, опустив руки в карманы. Мимо проследовал тук в сопровождении коренастой фигуры: дон Гало Порриньо обследовал палубу. Послышалось покашливание, как будто кто-то искал повода заговорить, и наконец Фелипе Трехо подошел к ним, нарочито занятый процессом закуривания.

– Привет, – сказал он. – Вам дали хорошие каюты?

– Неплохие, – сказал Лопес. – А вашей семье?

Фелипе не понравилось, что его заведомо и накрепко связывают с его семейством.

– Мы вдвоем со стариком, – сказал он. – А у мамы с сестрой каюта рядом. С ванной и всем, что полагается. Смотрите-ка, вон там – огни, наверное, это Бевиссо или Килмес. А может, Ла-Плата.

– Вы любите путешествовать? – спросил Рауль, выбивая трубку. – Или это ваше первое настоящее приключение?

Фелипе снова покорило вечно предвзятое к нему отношение. Он хотел было промолчать или сказать, что немало попутешествовал, но, скорее всего, Лопес о своем ученике знает достаточно. И потому неопределенно ответил, что, мол, на пароходе сплавать каждому понравится.

– Конечно, лучше, чем в колледже сидеть, – дружески поддержал Лопес. – Некоторые считают, что путешествие для молодых людей – тоже обучение. Посмотрим, так ли это.

Фелипе засмеялся, чувствуя себя все более неловко. Он был уверен, что наедине с Раулем или любым другим пассажиром мог бы поболтать в свое удовольствие. А теперь он приговорен – старик, сестрица, оба учителя и особенно Черный Кот отравят ему жизнь. В какой-то момент он даже подумал, не удрать ли ему с парохода потихоньку, отправиться куда-нибудь одному, лишь бы оторваться от них. «Вот именно, – подумал он. – Главное – оторваться». Но все равно не жалел, что подошел к этим двоим. Буэнос-Айрес вдали, со всеми его огнями, давил и в то же время возбуждал его; ему хотелось петь, вскарабкаться по мачте, пробежать по палубе, хотелось, чтобы скорее наступило завтра и чтобы была остановка, и диковинные люди, и яркие женщины, и плавательный бассейн. Ему было страшно и радостно и начинало клонить ко сну, как еще случалось в девять вечера, и ему стоило труда скрыть это в кафе или на улице.

Послышался смех Норы, они с Лусио спускались по трапу. Увидев огоньки сигарет, они подошли к мужчинам. У Норы с Лусио тоже была прекрасная каюта, и Норе тоже хотелось спать (только бы не было качки) и не хотелось, чтобы Лусио слишком распространялся насчет того, что они в одной каюте. Она считала, что им вполне могли бы дать и две каюты, все-таки они пока еще жених и невеста. «Но мы ско-

ро поженимся», – поспешила она подумать. Никто не знал про отель «Бельграно» (кроме Хуаниты Эйсен, ее задушевной подруги), да еще такая ночь получилась... На пароходе вполне могли принять их за мужа и жену, но в списках указаны имена, а значит, пойдут разговоры... До чего красив освещенный Буэнос-Айрес, все эти огни Каванага, Комеги... Ей вспомнилась фотография на календаре «Пан Америкэн», который висел у нее в спальне, правда на ней Рио, а не Буэнос-Айрес.

Лицо Фелипе виделось Раулю мутно всякий раз, когда кто-то выдыхал дым сигареты. Они стояли чуть в стороне, Фелипе предпочитал разговаривать один на один с незнакомым, особенно с таким, как Рауль – молодой, ему, наверное, нет и двадцати пяти. Ему сразу понравилась трубка Рауля, его пиджак спортивного покроя, весь его вид, немного пижонистый. «Но не выпендривается, – подумал он. – А денег-то, конечно, навалом. Вот когда у меня будет столько же...»

– Запахло открытой рекой, – сказал Рауль. – Запах довольно мерзкий, но многообещающий. Постепенно начнем чувствовать, что значит переходить от городской жизни к жизни в открытом море. Все равно что произвести полную дезинфекцию.

– Да? – сказал Фелипе, не понявший, что за дезинфекция.

– Пока мало-помалу не откроем новые виды скуки и пресыщения. Но у вас будет по-другому, вы же плывете первый раз, и вам все будет казаться таким... А впрочем, вы сами

подберете определения.

– Ну да, – сказал Фелипе. – Здорово. Кому это не понравится – целыми днями ничего не делать...

– Смотря кому, – сказал Рауль. – Вы любите читать?

– Само собой, – сказал Фелипе, иногда листавший книжонки из серии «Растрос». – Как вы думаете, тут есть басейн?

– Не знаю. Едва ли на грузовом судне есть настоящий басейн. Соорудят какое-нибудь корыто из досок и парусины, как в третьем классе на больших пароходах.

– Да что вы! – сказал Фелипе. – Из парусины? Феноменально.

Рауль снова закурил трубку. «Еще раз – то же самое, – подумал он. – Снова эта восхитительная попытка: прекрасное изваяние, которое вдруг начинает булькать глупостью. А я слушаю и, как дурак, прощаю ему глупость, пока не уговорю себя, что все не так ужасно, что все юноши таковы и нечего ждать чудес... Лучше, наверное, быть анти-Пигмалионом, обращать в камень. Но что потом, потом-то что? Пустые иллюзии, как всегда. Веришь, что возвышенные слова, книги, которые убеждаешь читать, специально подчеркивая целые абзацы, старательно объясняешь...» Он вспомнил Бето Ласьерву, появившуюся у него в последнее время тщеславную улыбку, нелепые свидания в парке Лесама, разговор на скамейке и грубый финал, вспомнил, как Бето клал в карман деньги, которые попросил так, будто просил свое, и его сло-

ва, невинно-порочные, вульгарные.

– Видели старикашку в каталке? – сказал Фелипе. – Это что-то. Красивая трубка.

– Неплохая, – сказал Рауль. – Хорошо тянет.

– Может, я себе тоже куплю, – сказал Фелипе и покраснел. Как раз этого и не надо было говорить, а то примет его за сопляка...

– В портовых городах вы найдете все, что душе угодно, – сказал Рауль. – Но если хотите сперва попробовать, я вам дам одну из моих. Я всегда ношу с собою две или три.

– Правда?

– Конечно, я их курю по очереди. Здесь, на судне, должны продавать хороший табак, но я захватил с собою, если хотите.

– Спасибо, – сказал ошеломленный Фелипе. Его распира-ло от счастья, захотелось сказать Раулю, как ему нравится разговаривать с ним. Наверное, смогут поговорить и о женщинах, вообще-то он выглядит старше, многие дают ему девятнадцать, а то и двадцать лет. Без особого желания он вспомнил Негриту, наверное, она уже в постели, а то и плачет, как дурочка, что осталась одна и должна слушаться тетьу Сусану, а той только дай покомандовать. Странно, что он вспомнил Негриту как раз сейчас, когда разговаривал с таким клевым мужиком. Он бы его на смех поднял как пить дать. «У него небось их навалом», – подумал он.

Рауль попрощался с Лопесом, который пошел спать, по-

желал спокойной ночи Фелипе и медленно поднялся по трапу. Нора и Лусио пошли за ним следом, каталки дона Гало уже не было видно. Как шоферу удалось спустить дона Гало на палубу? В коридоре он столкнулся с Медрано, который сошел по внутреннему трапу, высланному красной ковровой дорожкой.

– Вы уже обнаружили бар? – сказал Медрано. – Он наверняка, рядом со столовой. К несчастью, в салоне я заметил и рояль, но оборвать ему струны никогда не поздно.

– Или расстроить, чтобы любая вещь прозвучала на нем как сочинения Кренека.

– Ой-ой-ой! Вы бы навлекли на себя гнев моего друга Хуана Карлоса Паса.

– Мы бы быстро примирились, – сказал Рауль, – если бы он увидел мою скромную фонотеку додекафонической музыки.

Медрано посмотрел на него.

– Ну что ж, – сказал он, – все складывается гораздо лучше, чем я предполагал. Не всегда в поездке удастся начать знакомство с такого разговора.

– Согласен. До сих пор мне удавалось побеседовать исключительно о погоде с краткими лирическими отступлениями на тему об искусстве курения. Ладно, пойду посмотрю, что там за салон наверху, может, есть кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.